

Решетов Сергей

Порог Брейта

18+

Решетов Сергей

Порог Брейта

<https://litres.ru/73943476>

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец XXI века. Человечество превращает энергию в материю по закону $E=mc^2$. Орбитальный мегаполис Кольцо зависит от конвертеров Брейта—Уилера, но физик Арес Каталано замечает сбой: масса рождается ниже порога. В секторе «Зеро» растёт Сингулярность, где материя и излучение циклично пожирают пространство. Корпорация знает: c^2 — не константа, а «кредитный лимит» реальности, и человечество его превысило. Культ «Должников Порога» хочет вернуть всё в излучение. Арес, физик Элис и живой детектор Нико должны запустить обратный процесс в ядре аномалии. Но в сердце Сингулярности Нико открывает истину: c^2 — это скорость обработки данных Вселенной, и за людьми наблюдают, проводя тест.

Решетов Сергей

Порог Брейта

ПРОЛОГ. Порог Брейта

1934, зима. Лонг-Айленд, Нью-Йорк

Снег лежал на подоконнике старого лабораторного корпуса тонким слоем, будто природа хотела приглушить шумы мира за окном. В комнате горела одна настольная лампа. Свет её падал на исписанные листы — мелкий, почти нечитаемый почерк. Две чашки остывшего кофе. Запах табака.

Джон Арчибальд Уилер сидел на подоконнике, поджав ногу, и смотрел на ночной океан. Грегори Брейт стоял у доски, постукивая мелом по краю жестяного поддона.

— Ты понимаешь, что мы сейчас написали? — спросил Брейт, не оборачиваясь.

— Понимаю, — ответил Уилер. Голос его звучал ровно, почти без интонации.

На доске осталась одна запись: гамма + гамма $\rightarrow e + e$

Два фотона, столкнувшись, порождают пару: электрон и позитрон. Свет становится веществом. Энергия — массой. Уравнение, вытекающее из эйнштейновского $E = mc^2$ с неумолимостью весеннего паводка.

— Мы не первые, кто это вывел, — сказал Брейт. — Но мы первые, кто оформил чисто. Никаких ядер-посредников. Два кванта. Бац. И материя.

Он хлопнул ладонью по столу. Уилер даже не вздрогнул. Он смотрел на океан.

— Ты думаешь, когда-нибудь это построят? — спросил Уилер.

— Что именно?

— Машину. Которая из света делает вещество. Не на бумаге. Не в камере Вильсона с треками частиц. А в промышленности. Для людей. Еду из излучения. Одежду. Дома. Оружие.

Брейт фыркнул. Положил мел. Присел на край стола.

— Джон, это гамма-кванты. Чтобы получить хоть микро-

грамм вещества, нужна энергия, которая сейчас заключена в атомной бомбе. Где ты найдёшь столько фотонов? В центре звезды?

— Они найдут, — сказал Уилер, наконец поворачивая голову. — Не сейчас. Через пятьдесят лет. Через сто. Но найдут. И когда найдут...

Он замолчал.

Брейт ждал.

— ...тогда начнётся самое интересное.

— Ты о чём?

Уилер спрыгнул с подоконника, подошёл к доске. Взял мел. Обвёл букву C в уравнении Эйнштейна, которое Брейт написал в углу доски.

— Вот это, — сказал он, постучав мелом по символу, — мы называем константой. Предельная скорость. Фундаментальное свойство пространства-времени. Нерушимое.

— Это нерушимое, Джон.

— Сейчас да. Но что, если мы ошибаемся? Что, если C — не предел, а... эхо чего-то большего? И когда люди начнут создавать материю из света в промышленных масштабах, они неизбежно упрутся в вопрос: почему порог именно такой? И тогда константа превратится в проблему. А проблему захочется решить.

Брейт долго молчал. Он был прагматиком. Экспериментатором. Он не любил философствований Уилера, но уважал их.

— Допустим, — сказал он наконец. — Что тогда?

Уилер вернулся к подоконнику. За окном падал снег. Окно было черен и пуст.

— Тогда они откроют ящик Пандоры, — сказал он. — Потому что C — это не скорость света. Это скорость сборки реальности. Порог обработки информации. И если его сдвинуть... реальность начнёт сбоить.

— Это уже не физика, Джон. Это метафизика.

— Нет, Грег. Это физика, просто мы до неё ещё не доросли.

Он взял один из листов и мелким почерком дописал на полях, прямо под уравнением Брейта-Уилера:

«Если когда-нибудь люди построят машину, превращающую свет в вещество в промышленных масштабах, и если они попытаются обойти фундаментальный порог... Вселенная ответит. И это будет не божественный гнев. Это будет перезагрузка системы. Проверить. При плотностях энергии выше критической.»

Он положил лист в папку. Закрыл её. Снег всё шёл.

Брейт, затушив сигарету, сказал:

— Ты драматизируешь, Джон. Никто никогда не построит такую машину. Слишком дорого. Слишком сложно.

Уилер улыбнулся. Улыбка была странной — мягкой, но с горчинкой знания, которое пока нечем доказать.

— Сто лет назад никто не верил в атомную энергию, Грег. Сто лет — и мы создаём материю из ничего. А ещё через сто... ну, ты понял.

Он посмотрел на доску. На уравнение, которое войдёт в учебники под их именами. И тихо, почти про себя, добавил:

— И тогда кто-то увидит, что Порог — не стена. Это дверь. И за ней уже ждут.

2089 год. Окрестности сектора «Зеро», внешний периметр Кольца

Сигнал тревоги взвыл, когда Арес Каталано менял коллиматор на четвёртом контуре. Вой сирены наложился на гул гамма-лазеров — низкий, утробный звук, от которого вибрировали пломбы в зубах.

— Порог плывёт! — крикнул динамик голосом дежурного оператора. — Четвёртый контур, падение на ноль-семь процента!

Арес замер. Гаечный ключ повис в магнитной петле на поясе. Ноль-семь процента. Это невозможно. Порог Брейта — 2 m e c². Незыблемо, как восход солнца. Если он плывёт, то...

— Зафиксируй показания, — сказал он в микрофон. Голос не дрогнул. — И никому не докладывай, пока я не посмотрю. Понял?

— Но протокол...

— Я сказал: никому.

Он посмотрел на камеру конвертера. Два гамма-луча сталкивались в вакуумной камере, и в точке их пересечения рождалась материя — крошечная, невидимая глазу крупичка стали. Свет становился веществом. Чистая энергия — массой.

Но сегодня масса рождалась из меньшей энергии. Кредитное соглашение реальности дало трещину.

Арес не знал, что этой ночью, в тысячах километров от него, в секторе «Зеро» — мёртвой зоне, где уже семь лет не было ни души, — пространство снова начало сбоить. Стены домов исчезали и появлялись. Воздух становился то плазмой, то вакуумом. А в самом центре аномалии пульсировал сгусток чистой информации — то, что когда-то было протоматерией, а теперь стало чем-то иным.

Оно ждало.

И когда сигнал тревоги на четвёртом контуре смолк, в глубине Сингулярности, в самом сердце мёртвого сектора, на

долю секунды сформировались четыре слова, которых никто не увидел и никто не прочёл:

«Порог — не стена. Дверь.»

Глава 1. гамма + гамма'

Здесь рождается материя.

Представьте себе огромное кольцо, которое висит на орбите Меркурия, всего в двухстах километрах над его выжженной каменистой поверхностью. Это кольцо имеет диаметр сто двадцать километров и состоит из миллиардов зеркальных сегментов и ускорительных труб. Это кольцо — Станция, возведённая в эпоху, когда стало очевидно, что ресурсы Земли стремительно истощаются, а человечеству требуется всё больше: больше еды, больше металла, больше топлива и так далее.

Но Станция не добывает руду и не выращивает пшеницу. Она делает то, что казалось магией ещё сто лет назад: превращает свет в вещество.

Вот как это работает.

Внутри кольца — вакуум. Абсолютная пустота, чище все-

го, что можно представить. На внешней стороне — миллиарды зеркал и линз. Они ловят солнечный свет, сжимают его, уплотняют, делают в миллионы раз ярче, чем на поверхности Солнца. И направляют внутрь.

Два луча такой сверхплотной энергии сталкиваются в центре вакуумной камеры. И в момент столкновения — бах! — из ничего появляется что-то. Электрон и позитрон. Частица и античастица. Материя из чистого света.

Это называется процесс Брейта-Уилера. Его формула выглядит так:

Но для обычного человека это просто: свет плюс свет даёт материю.

Дальше электроны и позитроны разгоняют, сталкивают, превращают обратно в излучение или — чаще — собирают в вещество. Атом за атомом. Грамм за граммом. Станция производит тысячи тонн материала каждый день. Из него печатают на 3D-принтерах дома, детали для кораблей, корпуса для реакторов. Даже синтезируют еду — молекула за молекулой.

Вся экономика человечества теперь крутится вокруг этой Станции. Есть специальный курс обмена — сколько джоулей света нужно, чтобы получить грамм вещества. Называется с2. Это самая надёжная валюта во Вселенной. Потому что это закон физики. Он не меняется. Никогда.

Там, где этот закон нарушается, мир трещит по швам.

Четвёртый контур

Сирена взвыла в три часа ночи.

Арес Каталано как раз менял коллиматор на четвёртом контуре — грязная работа, которую никто не любил. Коллиматор весил восемьдесят килограммов, и менять его в одиночку запрещалось инструкцией. Но инструкции писали люди, которые никогда не спускались на технические уровни Инжектора. Арес справлялся один. Всегда справлялся.

Вой сирены наложил на низкий утробный гул гамма-лазеров — звук, от которого у новичков начинали кровоточить дёсны. Арес даже не поморщился. Он провёл на этом уровне одиннадцать лет. Его организм давно принял резонанс как данность.

— Порог пльвёт! — проорал динамик голосом дежурного оператора. — Четвёртый контур, падение на ноль-семь процента!

Рука с гаечным ключом замерла в магнитной петле. Арес медленно выпрямился, чувствуя, как холодеет внутри. Ноль-семь процента. Это не погрешность датчика. Для погрешности — слишком много. Для аварии — слишком аккуратно.

— Зафиксируй показания, — сказал он в микрофон, и собственный голос показался ему чужим — слишком спокойным. — И никому не докладывай, пока я не посмотрю.

— Но протокол предписывает немедленно...

— Я знаю, что предписывает протокол. Отключи сирену и жди меня.

Он разорвал соединение.

Четвёртый контур. Его контур. Он знал здесь каждый болт, каждый стык, каждый виток сверхпроводящей обмотки. Он сам монтировал фокусирующие линзы три года назад. Сам калибровал. Сам подписывал акт приёмки.

Порог Брейта — $2 m e c^2$ — не плавает. Это константа. Фундаментальная. Как скорость света. Как заряд электрона. Если он поплыл, то...

Арес не стал додумывать. Он двинулся к пульту диагностики, лавируя в лабиринте кабельных коробов и охлаждающих труб. Стены четвёртого контура покрывала изморозь — жидкий гелий тек по венам системы, удерживая сверхпроводники в рабочем состоянии. Из-за воя сирены сейчас казалось, что стены дрожат. Хотя, возможно, они действительно дрожали.

Пульт встретил его каскадом красных огней. Арес пробежался пальцами по сенсорам, отключая вторичную сигнализацию. Экран показал график: входная энергия фотонов — по оси X, масса на выходе — по оси Y. Идеальный линейный рост. И вдруг — надлом. Будто кто-то перечеркнул график ножом. В точке надлома масса рождалась при энергии, которая была на ноль-семь процента ниже предела.

Он перезапустил диагностику. Картина повторилась.

Он перезапустил ещё раз. То же самое.

— Невозможно, — прошептал Арес.

Он оглянулся. Дежурная смена на пультовой — трое техников. Все смотрели на него. Ждали. Старший из них, Лин, рыхлый мужчина с вечно прищуренным глазом, нервно крутил в пальцах старую шариковую ручку — реликт эпохи, когда ещё писали на бумаге.

— Может, сбой калибровки? — неуверенно спросил Лин.

— Сбой калибровки, — медленно повторил Арес, глядя на график, — дал бы хаотичный разброс. А здесь аккуратное смещение. Слишком аккуратное.

— Тогда что?

— Не знаю.

Он встал. Плечи болели — сказалась возня с коллиматором. Арес был высок, худ, с жилистыми руками человека, привыкшего к физической работе. На его левом предплечье темнела татуировка — упрощённая схема реакции Брейта-Уилера: два вектора-луча, пересекающиеся в точке, из которой вылетают две спирали — электрон и позитрон. Он сделал её в двадцать лет, когда решил, что физика — единственное, чему стоит посвятить жизнь. Сейчас, в сорок с лишним, татуировка выцвела и немного расплылась, но он не сводил её. Она напоминала ему о временах, когда он ещё верил, что

мир работает по правилам.

— Записи с видеофиксаторов, — сказал он. — Поднимите записи за последние трое суток. Всё, что поступало на четвёртый контур.

Лин замялся.

— Доступ к архиву потоков с грифом выше моего...

— Знаю. Сделай неофициальный слепок перед отправкой в центр. Ты умеешь.

Лин посмотрел на него долгим взглядом, потом кивнул и вышел. Арес остался один перед пультом. Красные огни горели, график ломался, и где-то в глубине четвёртого контура два гамма-луча продолжали сталкиваться, рождая материю из ничего.

Свет становился веществом. Но что-то в этом процессе пошло не так.

К утру ничего не прояснилось.

Арес просидел над данными до шести, пока не затекла спина. Он перепроверил калибровку детекторов трижды. Исключил помехи от соседних контуров. Отмёл версию с программным сбоем. Картина оставалась прежней: в течение трёх ночей, короткими промежутками, порог Брейта падал. Суммарное время аномалии — сорок семь секунд. Общий объём «нелегальной» материи — меньше миллиграмма. Крохи. Пыль.

Но каждая из этих крох родилась в обход закона.

Когда в семь утра пришла дневная смена, Арес молча сдал вахту и покинул технический уровень. Он не стал писать рапорт. Вместо этого он спустился в жилой блок Инжектора — узкие коридоры, пропитанные запахом озона и дешёвого белья, — и зашёл в свою каморку. Каморкой это называлось условно: просто отсек, отгороженный от общего пространства пластиковыми панелями. Кровать, стол, терминал. Книжки. Настоящие, бумажные — он собирал антиквариат.

Среди книг лежала одна, которую он не открывал уже лет десять. Потрёпанный том в мягкой обложке. «Принципы физики высоких энергий». На титульном листе — подпись его преподавателя: «Каталано, не задавай лишних вопросов на экзамене. Профессор Гринберг».

Арес открыл книгу на главе о процессе Брейта-Уилера. Знакомая до зубной боли схема: два фотона, столкновение, рождение пары. Он перечитал абзац о Пороге. Перечитал о фундаментальных константах.

Нигде не было ни слова о том, что c^2 может меняться. Ни в одной теории. Ни в одной статье.

Он захлопнул книгу. Пыль взвилась в воздух, затанцевала в луче тусклого потолочного светильника.

Впервые за много лет Арес Каталано почувствовал то, что боялся называть по имени.

Страх.

Доктор Элис Вейн проснулась за час до будильника — тело помнило, что сегодня важный день.

Она не любила важные дни. Они требовали улыбаться, когда не хочется, и молчать, когда хочется говорить. Но сегодня было заседание Совета Директоров, и пропустить его она не могла.

Элис встала, подошла к окну. Квартира располагалась на среднем уровне Порога — привилегия, которую давала должность ведущего физика Корпорации. Из окна открывался вид на главную ось Кольца: колоссальный цилиндр ускорителя, опоясанный ярусами жилых и промышленных секторов. Гамма-лазеры внутри оси сейчас работали на полную мощность — их свет был невидим глазу, но Элис знала: там, внутри, каждую секунду рождаются тонны вещества. Еда. Сталь. Вода. Лекарства. Оружие.

Кольцо потребляло энергию целой звезды, чтобы создавать материю. И делало это по единому курсу обмена: с2. Самая надёжная валюта во Вселенной.

Или так считалось до недавнего времени.

Элис отвернулась от окна, подошла к терминалу. На экране горело непрочитанное сообщение. Несколько строк, переданных по закрытому каналу с грифом «Молния»:

«Э.В., четвёртый контур, ночная смена. Ноль-семь процента ниже порога. Трое суток подряд. Данные изъяты до официального аудита. Техник на смене — Арес Каталано. Не докладывал. Действовал по усмотрению».

Элис перечитала сообщение дважды.

Ноль-семь. Это было смешно. Смешно и страшно одновременно. Потому что если это подтвердится, то...

Она закрыла терминал. Открыла ящик стола — там лежала тонкая папка, которую она забрала из архивов два года назад. Личные записи Джона Уилера, не вошедшие в официальные публикации. Копии, сделанные с копий, полустёртые, местами нечитаемые. Она нашла нужную страницу.

На полях, рядом с уравнением Брейта-Уилера, мелким почерком было написано:

«...и если порог когда-нибудь поплывёт, значит, мы имеем дело не с константой, а с переменной. Переменная привязана к плотности энергии вакуума. Проверить при плотностях выше критической».

Элис провела пальцем по строчке. Уилер знал. Или, по крайней мере, догадывался. Девяносто лет назад. Задолго до того, как первый конвертер заработал на орбите Меркурия.

Она закрыла папку и приняла решение. Сначала — заседание Совета. Потом — разговор с техником по имени Арес Каталано. Если он видел то, что она думает, — они оба уже внутри игры, правил которой никто не знает.

Совет заседал на верхнем уровне Сияния — там, где панорамные окна выходили прямо на звёзды, а воздух пах не озоном, а дорогим очищенным кислородом с лёгкой примесью ароматизаторов. Элис ненавидела этот запах. Он напоминал ей о том, как мало настоящего осталось в их мире.

За столом сидели пятеро. Главный — директор Ямамото, старик с лицом, которое ничего не выражало. Рядом с ним — двое корпоративных юристов, финансист и глава службы безопасности. Когда Элис вошла, Ямамото слегка кивнул, не прерывая речи:

— ...и в связи с нестабильностью третьего сектора пороговая комиссия рекомендует поднять минимальную энергию входных пучков на два процента. Перестраховка.

— Это бессмысленно, — сказала Элис, садясь. — Повышение входной энергии не повлияет на стабильность, если проблема в самом пороге.

— Проблемы в пороге нет, — спокойно ответил Ямамото. — Порог — это константа.

— Константы не плывут.

— Именно поэтому проблемы нет.

Она посмотрела на него в упор. Старик выдержал взгляд. Он всегда выглядел так, будто знает больше, чем говорит. Собственно, так оно и было — Ямамото работал в Корпорации с самого основания Кольца. Он помнил времена, когда конвертеры были экспериментальными установками, а не конвейерами жизнеобеспечения.

— У вас есть данные о нестабильности? — спросил он.

— Возможно. Мне нужно проверить один контур.

— Который?

— Четвёртый.

В комнате на мгновение повисла тишина. Юристы переглянулись. Глава безопасности — коренастый человек с холодными глазами по фамилии Марек — подался вперёд:

— На четвёртом контуре позапрошлой ночью был зафиксирован нештатный сигнал. Технический персонал отключил сирену до прибытия инспекции. Это ваши люди, доктор

Вейн?

— Мои, — спокойно сказала Элис, хотя понятия не имела, чей именно персонал обслуживает четвёртый контур ночью. — Я запросила данные для анализа. Обычная процедура.

— Хорошо, — сказал Ямамото. — Разберитесь. Но без паники. Если кто-то нарушил протокол — накажите. Если произошёл сбой оборудования — замените. Но ни слова о «плавающем пороге» за пределами этого кабинета.

— Почему?

Ямамото помолчал. Потом снял очки, протёр стёкла, снова надел.

— Потому что если порог плывёт, то вся наша экономика — фикция. Энергорубль обесценится за сутки. Биржа рухнет. Конвертеры остановятся. И начнётся то, что мы не сможем контролировать. Вы этого хотите?

Элис не ответила.

— Вот и я не хочу, — сказал Ямамото. — Идите.

Она вышла. Запах ароматизированного кислорода преследовал её до самого лифта.

Нижние уровни не освещались официально.

То есть формально лампы горели, но светили они тускло, экономично, ровно настолько, чтобы человек не свернул себе шею в лабиринте технических тоннелей. Здесь не было панорамных окон. Здесь не было очищенного воздуха. Здесь пахло машинным маслом, горячим металлом и потом.

Арес спустился на уровень «Зетта» — самый нижний из обитаемых, — чтобы найти человека по имени Кирш.

Кирш был барыгой. Торговал он не наркотиками и не оружием, а информацией. Данные с неофициальных датчиков, слухи с верхних уровней, обрывки корпоративных переговоров — всё это стекалось к нему, как вода в низину. Он сидел в крошечной камерке за самодельной барной стойкой и протирал стаканы, хотя посетителей в такую рань не было.

— Ого, — сказал Кирш, увидев Ареса. — Сам Каталано. Давно не заходил.

— Мне нужна информация.

— Всем нужна информация. Что конкретно?

— Четвёртый контур. Нештатные сигналы за последние трое суток. Кто-нибудь ещё интересовался?

Кирш отставил стакан. Прищурился.

— Интересовались. Час назад. С верхнего уровня. Женщина. Запрос через защищённый канал. Имя не светилось, но я узнал голос. Доктор Элис Вейн.

Арес нахмурился. Имя было знакомым — ведущий физик Корпорации, теоретик, из тех, кто редко спускается ниже Порога. Если она заинтересовалась четвёртым контуром, значит, его данные уже утекли наверх. Или она знала что-то раньше.

— Что ещё?

— Она запрашивала не только твой контур, — Кирш понизил голос. — Она интересовалась сектором «Зеро». Тем самым, где семь лет назад всё накрылось.

— Мёртвая зона?

— Мёртвая, да не совсем. Есть слухи... неофициальные... что датчики на периметре сектора фиксируют излучение. Слабое, но периодическое. Будто кто-то включает и выключает фонарик.

Арес почувствовал, как холод вернулся. Сектор «Зеро» — это не просто аварийная зона. Это место первой сингулярности. Там процесс Брейта-Уилера пошёл вразнос, и целый район превратился в месиво из излучения и нестабильной материи. Семь лет туда не мог проникнуть ни один зонд, ни один дрон. Официально там не было ничего живого и ничего работающего.

— Что за излучение?

— Гамма. Слабый фон. Еле-еле выше естественного. Но импульсы идут ритмично. С периодом примерно одиннадцать минут. И знаешь, что странно?

— Что?

— Этот ритм совпадает с пульсацией твоего контура. Наложение — почти идеальное.

Арес ничего не сказал. Он просто стоял и смотрел на Кир-

ша, а тот снова взялся за стакан, протирая его с таким видом, будто не сообщил только что самую страшную новость в жизни собеседника.

— Если хочешь совет, — добавил Кирш, не поднимая глаз, — не лезь в это. Отдай данные доктору Вейн и забудь.

— Почему?

— Потому что кое-кто ещё интересуется четвёртым контуром. И они не с Порога. Они снизу. Из заброшенных секторов. Называют себя «Должниками Порога». Секта. Говорят, что Порог — это воля Творца, а кто его нарушает — обрекает человечество. Слышал о таких?

Арес слышал. Краем уха. Все слышали. Но никто не воспринимал всерьёз.

— И что?

— А то, что сегодня утром они распространили сообщение по нижним сетям. Цитирую: «Четвёртый контур заплатит первым». Вот такие дела.

Кирш поставил стакан на стойку. Встретился взглядом с Аресом. В его глазах не было страха — только холодное лю-

бопытство человека, который давно потерял иллюзии.

— Иди, Каталано. Тебе нужно поговорить с доктором Вейн. Прямо сейчас.

Элис нашла его сама.

Она ждала у входа в жилой блок Инжектора — фигура в тёмном пальто, не вписывающаяся в грязный пейзаж нижних уровней. Охраны с ней не было. Только терминал в руке и спокойное выражение лица.

— Каталано? — спросила она, хотя явно знала ответ.

— Допустим.

— Я доктор Вейн. Мне нужны ваши логи за трое суток.

Арес подошёл ближе. Он был выше её на голову и выглядел так, будто только что вышел из драки, хотя просто не спал двое суток.

— Зачем они вам?

— Потому что вы видели то, что видели. И промолчали. Значит, либо вы дурак, либо вы поняли, что дело серьёзное. Я ставлю на второе.

— Логи у Лина. Он сделал слепок.

— Лин арестован.

Арес замер.

— Когда?

— Час назад. Служба безопасности. Официально — за нарушение протокола аудита. Неофициально — потому что кто-то не хочет, чтобы эти данные всплыли. Слепок изъят или уничтожен. Так что вы — единственный, кто видел график своими глазами. Расскажите.

Они стояли в узком коридоре. Где-то вдали гудели гамма-лазеры. Пахло озоном. На потолке мигала лампа.

И тогда Арес рассказал. Про ночную смену, сирену, коллиматор. Про надломленный график и сорок семь секунд «нелегальной» материи. Про пульсацию, которая совпадает с сигналами из мёртвого сектора.

Когда он закончил, Элис долго молчала. Потом открыла терминал и показала ему страницу из дневников Уилера — ту самую, с пометкой на полях. Арес прочитал. Ещё раз. Ещё.

— Он знал, — тихо сказал он. — Девяносто лет назад.

— Он предполагал. Теперь мы знаем точно. Порог Брейта — не стена. Это дверь.

— Куда?

Элис посмотрела ему в глаза.

— Вот это нам и предстоит выяснить. Вы со мной, Каталано?

Он подумал о Лине. О Кирше, предупредившем его. О мёртвом секторе «Зеро» и его ритмичных импульсах. О сектантах, которые обещали расплату четвёртому контуру. О том, что он никому не верит и никогда не верил — но эта женщина с холодным лицом теоретика говорила с ним как с равным.

— Я с вами, — сказал Арес. — Но сначала мне нужно найти одного человека в нижних секторах.

— Кого?

— Его называют Нико-Сингуляр. Говорят, он светится в темноте.

Элис удивлённо подняла бровь:

— Это метафора?

— Нет. Говорят, его тело спонтанно излучает черенковское свечение после того, как он побывал в зоне сингулярности. И выжил.

Элис закрыла терминал. Посмотрела куда-то мимо Ареса, в глубину коридора, где мигала лампа.

— Если он выжил в «Зеро», — сказала она медленно, — и если его тело действительно излучает... то он — живой детектор порога.

— Живой детектор? — переспросил Арес.

— Да. И он нужен нам раньше, чем до него доберутся сектанты. Или служба безопасности. Или то, что сидит в центре Сингулярности и ждёт.

Лампа на потолке мигнула в последний раз и погасла. Коридор погрузился в темноту.

Но оба — и физик с татуировкой на предплечье, и доктор с дневниками покойного гения в терминале — уже не нуждались в свете, чтобы видеть путь.

Глава 2. Курс обмена

Биржа открылась в восемь утра, как всегда.

Элис смотрела на табло из своего кабинета. Цифры ползли вверх — пока ещё медленно, сонно, будто сам рынок не до конца проснулся. Энергорубль держался стабильно. Курс обмена, главный индекс Кольца, горел ровным зелёным: $c2 = 8.987551787$ умножить на 10 в 16 степени Дж/кг. Восемьдесят лет назад эту цифру впечатали в устав Корпорации как константу, не подлежащую пересмотру. С тех пор она стала не просто числом. Она стала богом.

В буквальном смысле.

Сектанты «Должников Порога» молились на эту цифру. Трейдеры приносили ей жертвы в виде сгоревших депозитов. А простые обитатели Кольца, те, кто никогда не видел

гамма-лазеров вживую, просто знали: пока горит зелёный — у них будет еда. Вода. Крыша. Жизнь.

Элис отвернулась от табло. В голове всё ещё звучал ночной разговор с Каталано. Лин арестован. Данные изъяты. Четвёртый контур, возможно, уже под колпаком службы безопасности. И где-то в нижних секторах бродит человек, выживший в «Зеро».

Она открыла дневники Уилера на новой странице. Утренний свет лился сквозь панорамное окно, но Элис его почти не замечала. Страница была исписана убористым почерком, со схемами, зачёркиваниями, стрелками на полях. В самом низу — жирная черта, под ней одна-единственная фраза:

«Курс обмена — не закон. Это договор. Договор можно пересмотреть. Но вторая сторона не обязательно будет человеком».

Что он имел в виду? Вторую сторону? Какую вторую сторону? Уравнение Брейта-Уилера описывало бездушный физический процесс. Два фотона — электрон и позитрон. Никаких «сторон». Никаких договоров.

Если только...

Она не успела додумать. Дверь открылась, и на пороге возник директор Ямамото собственной персоной. Без охраны. Без свиты. Просто старик в мятом пиджаке, с чашкой кофе в одной руке и тонкой папкой в другой.

— Не помешаю? — спросил он, уже входя.

— Вы уже помешали.

— Хорошо. Значит, можно без церемоний.

Ямамото сел в кресло напротив. Поставил кофе на край стола, пристроил папку на коленях. Элис заметила, что он не открывает её — просто держит, как реквизит. Или как оружие, которое пока не собирается применять.

— Вы говорили с Каталано, — сказал он — не вопрос, утверждение.

— Говорила.

— И что он вам рассказал?

— Что ноль-семь процента ниже порога — это не сбой оборудования. Это реальность. Порог плавает.

Ямамото отпил кофе. Посмотрел в окно, на ось ускорителя, опоясанную ярусами Кольца.

— Знаете, сколько людей в этом городе знают, что такое Порог Брейта на самом деле? — спросил он. — Не формулу. Не уравнение. А суть.

— Немногие.

— Пять человек на весь Совет. Ещё вы. Теперь, видимо, Каталано. И это уже слишком много.

— Почему?

Ямамото открыл папку. Медленно, будто каждая страница весила тонну. Извлёк один лист — распечатку графика, который Элис ещё не видела.

— Это данные из сектора «Зеро». Неофициальные. Собранные зондами, которые совет запретил запускать два года назад. Я запустил их втайне.

Элис взяла лист. График показывал колебания гамма-фона на периметре сектора. Импульсы шли ровными волнами, с периодом ровно одиннадцать минут. Амплитуда нарастала.

— Это невозможно, — сказала она. — Там нечему генерировать гамма-излучение. Все реакторы заглушены. Все конвертеры разрушены.

— Тем не менее.

— И вы знали об этом два года?

— Я знал это семь лет, — спокойно ответил Ямамото. — С момента первой сингулярности. Когда она схлопнулась, унеся три тысячи жизней, наши датчики зафиксировали странную вещь. В центре аномалии, на пике коллапса, Порог Брейта не взлетел и не рухнул. Он колебался. Словно кто-то настраивал инструмент.

— Кто-то?

— Или что-то. Я не знаю. Но это «что-то» не исчезло. Оно затихло на семь лет. А теперь просыпается.

Элис отложила график. В висках застучало — предвестник мигрени, которая мучила её с тех пор, как она впервые прочла записи Уилера.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила она. — Вы же понимаете, что после такого разговора я не смогу про-

сто «забыть и не лезть»?

— Именно поэтому я и рассказываю. — Ямамото встал. Подошёл к окну. — Корпорация не справится с тем, что грядет. Совет будет отрицать очевидное, пока Сингулярность не сожрёт половину Кольца. Служба безопасности будет заметать следы, пока не станет слишком поздно. А сектанты... сектанты вообще жаждут конца. Им нужен кто-то, кто мыслит иначе.

— И вы решили, что это я?

— Вы и Каталано. Возможно, ещё тот парень из нижних секторов, про которого говорят, что он светится в темноте. Соберите их. И найдите способ понять, что такое Порог на самом деле. Пока Порог не нашёл нас.

Ямамото повернулся. Лицо его оставалось бесстрастным, но в глазах Элис увидела то, чего никогда не видела раньше. Усталость. Глубокую, многолетнюю, почти смертельную.

— У меня есть доступ к старым архивам, — сказал он. — К тем, которые официально уничтожены. Я передам вам всё, что найду.

— В обмен на что?

Ямамото слабо улыбнулся.

— В обмен на то, что вы не дадите Совету похоронить нас всех. А теперь идите. У вас мало времени.

Тем же утром, в трёх километрах под кабинетом Элис, Арес искал Нико.

Нижние сектора жили по своим законам. Здесь не было биржевых табло и корпоративных протоколов. Здесь торговали вторичным излучением — «аурой», как его называли местные. Сборщики ауры, аурайдеры, были отдельной кастой. Они надевали свинцовые жилеты поверх драных комбинезонов, вешали на плечи самодельные детекторы и уходили в заброшенные тоннели — собирать остаточное гамма-излучение, которое сочилось из неисправных контуров. Собранную ауру продавали перекупщикам, те перепродавали наверх, и где-то там, на средних уровнях, из этого вторичного света снова печатали материю. Круг замыкался.

Нико был легендой среди аурайдеров. Говорили, что он мог зайти в такой сектор, где детекторы сходили с ума, и вернуться оттуда живым. Говорили, что он чувствовал излуче-

ние кожей. И да — говорили, что он светился.

Арес нашёл его в третьем подуровне «Зетты», в бывшей вентиляционной шахте, переоборудованной под ночлежку. Воздух здесь был тяжёлым, спёртым, пах чем-то едким — не то дезинфекцией, не то разложением. На самодельных лежанках вдоль стен сидели и лежали люди — в основном аурайдеры, вернувшиеся со смены. У многих на коже виднелись характерные пятна — последствия долгого облучения.

Нико сидел в углу, спиной к стене, и молча смотрел перед собой. Ему было около тридцати, но выглядел он старше — бледный, худой, с глубокими тенями под глазами. Обычная одежда аурайдера: драный комбинезон, свинцовый жилет, высокие ботинки. И только одно отличало его от остальных.

В темноте его кожа действительно светилась.

Слабое, едва заметное голубоватое сияние — черенковское излучение, возникающее, когда заряженные частицы движутся в среде быстрее света. Но здесь не было среды. Здесь не было ускорителя. Здесь было только его тело.

— Ты Каталано, — сказал Нико, не поднимая головы. Голос его звучал глухо, будто доносился из-под толщи воды. —

Мне про тебя говорили.

— Кто?

— Кирш. Сказал, что ты ищешь ответы. И что у тебя есть вопросы про Порог.

Арес присел рядом — не слишком близко, но достаточно, чтобы разглядеть свечение. Оно шло не от всей кожи, а отдельными пятнами: на предплечьях, на шее, под ключицами. Будто внутри тела проходили невидимые каналы, по которым текло излучение.

— Это не заразно, — сказал Нико, заметив его взгляд. — И не больно. Просто светится. Иногда сильнее, иногда слабее. Когда сильнее — значит, где-то рядом плывёт Порог.

— Ты чувствуешь Порог?

— Не чувствую. Вижу. Во сне. И наяву тоже, когда совсем близко.

Он наконец поднял голову. Глаза у него были странные — светло-серые, почти бесцветные, с тёмными крапинками по радужке. Глаза человека, который видел то, чего не видели другие.

— Три дня назад, — сказал он, — мне приснился четвёртый контур. И женщина с дневниками. И человек, который стирает пыль с уравнения на доске. И ещё... дверь.

— Что за дверь?

— Не знаю. Она была открыта. И оттуда шёл свет. Но не гамма. Другой. Более... старый. Как будто он был здесь до того, как появилось всё остальное.

Арес почувствовал, как по спине пробежал холод. Он не верил в предзнаменования, пророчества и прочую мистику. Он верил в уравнения. Но сейчас уравнение не помогало.

— Мне нужно, чтобы ты пошёл со мной, — сказал он. — Наверх. К доктору Вейн. Она физик. Она изучает Порог. И у неё есть записи, которые могут объяснить, что с тобой происходит.

— Мне не нужно объяснение, — тихо сказал Нико. — Я знаю, что происходит. Я — сбой. Ошибка в расчётах. Когда Порог плывёт, такие, как я, появляются. Нас мало. Но мы есть. Протоматерия в человеческом теле.

— Протоматерия?

— Это они так называют. Те, кто в «Зеро». — Нико кивнул куда-то в сторону, где за стенами Кольца лежал мёртвый сектор. — Они не умерли. Они стали другим. И они ждут, когда Порог откроется полностью.

Арес открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но не успел. Где-то в глубине тоннеля раздался взрыв. Стены дрогнули. С потолка посыпалась пыль и крошка. Обитатели ночлежки повскакивали с лежанок.

— Что за хрень? — крикнул кто-то.

Второй взрыв — ближе. Запахло гарью. И ещё чем-то — едким, химическим, похожим на вторичное излучение.

— Они здесь, — сказал Нико, поднимаясь. — Должники Порога. Пришли за мной.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я им нужен, чтобы открыть дверь.

Третий взрыв обрушил вход в вентиляционную шахту. Свет погас окончательно. В полной темноте свечение кожи Нико стало видно отчётливо — голубые линии, складыва-

ющиеся в узор, похожий на схему конвертера. Два вектора сходились в точке, из которой вылетали две спирали.

Арес смотрел на этот узор и не верил своим глазам. Это была та же схема, что на его собственной татуировке.

Реакция Брейта-Уилера. $\gamma + \gamma' \rightarrow e^- + e^+$.

Только нанесённая не чернилами, а самой тканью реальности.

— Бежим, — сказал он, хватая Нико за плечо. — Сейчас.

Завал у входа уже разбирали снаружи. Слышались голоса — глухие, монотонные, будто молитва:

— Порог не для людей. Свет — обратно в Свет. Масса — обратно в Ничто.

Сектанты.

Арес толкнул Нико к запасному лазу, который помнил ещё со времён своей первой работы в нижних секторах. Узкая шахта, ведущая в соседний коллектор. Вдвоём они протиснулись внутрь, когда за спиной рухнула последняя перегородка.

В тесном пространстве коллектора свечение Нико казалось ослепительным. Оно пульсировало в такт с чем-то — Арес сначала не понял с чем, а потом догадался: с одиннадцатиминутным циклом «Зеро».

— Ты слышишь их? — спросил Нико, тяжело дыша.

— Кого?

— Тех, кто в Сингулярности. Они говорят не словами. Образами. Я вижу... уравнение. Но там ошибка. Кто-то исправил константу. c^2 — не число. Это функция. Она зависит от наблюдателя.

— Что за бред? — Арес остановился, переводя дух. — Физика не зависит от наблюдателя.

— Зависит, — сказал Нико. — Когда наблюдатель внутри системы. А мы все внутри. И всегда были.

Позади, в разрушенной шахте, голоса сектантов слились в единый гул. Что-то вспыхнуло — теперь уже не взрыв, а яркая вспышка гамма-излучения, от которой сработали аварийные датчики на поясе Ареса.

— У них переносной конвертер, — сказал он сквозь зубы. — Они создают материю прямо из воздуха. Точнее — оружие.

Вспышка. Ещё одна. В тоннеле начали формироваться какие-то структуры — острые, металлические. Сектанты не тратили время на подрыв зарядов. Они материализовывали режущие инструменты прямо в стенах коллектора, чтобы добраться до беглецов.

— Уходим, — Арес дёрнул Нико за рукав. — Быстрее.

Они побежали по коллектору, пригибая головы под низкими сводами. Свечение Нико оставляло на стенах голубоватые блики, которые гасли через секунду после того, как они проходили.

Где-то далеко наверху, на бирже, курс обмена всё ещё горел зелёным. Рынок не знал ни о взрывах в нижних секторах, ни о плавающем Пороге, ни о человеке, чьё тело стало живой диаграммой.

Рынок верил в константу.

И в этом была его главная ошибка.

Они выбрались на поверхность Инжектора через час.

Элис ждала их в условленном месте — техническом отсеке, который Арес использовал как личную мастерскую. Здесь пахло машинным маслом, озоном и старым железом. На верстаке лежали разобранный коллиматор, пара детекторов и потрёпанный том «Принципов физики высоких энергий».

Когда Нико вошёл, Элис на несколько секунд потеряла дар речи. Она видела черенковское излучение в лабораторных условиях. Но никогда — на коже живого человека.

— Это... невероятно, — выдохнула она.

— Это проклятие, — сказал Нико. — Или благословение. Зависит от того, с какой стороны смотреть.

Элис взяла его за руку — осторожно, будто боялась обжечься. Провела пальцами по светящемуся узору на предплечье. Две линии, пересекающиеся в точке. Две спирали, вылетающие из пересечения.

— Вы знаете, что это? — спросила она.

— Реакция Брейта-Уилера, — ответил за Нико Арес. — Такая же татуировка у меня на руке.

Он закатал рукав. Выцветшая схема на коже почти совпала с живым узором Нико. Почти. Было одно отличие: на татуировке Ареса точка пересечения была пустой. А у Нико в центре пульсировала крошечная искра — будто реакция шла прямо сейчас.

— Порог Брейта — это не просто уравнение, — тихо сказала Элис. — Это архетип. Базовый паттерн, по которому реальность собирает материю из энергии. И если этот паттерн нанесён на живую ткань... значит, кто-то или что-то использует тебя как антенну.

— Для чего?

— Для приёма сигнала из Сингулярности. Или для передачи сигнала туда.

В этот момент в кармане Элис зажужжал терминал. Она взглянула на экран и побледнела.

— Что там? — спросил Арес.

— Ямамото прислал данные из архивов. То, что он успел найти до того, как его отрезали от сети.

— Что именно?

Элис повернула экран к ним. На нём горела одна-единственная строка — цифровой слепок старого рукописного текста:

«Брейт и Уилер ошибались лишь в одном: они считали, что реакция гамма + гамма $\rightarrow e^- + e^+$ — это просто физика. Но это больше. Это акт творения. И каждый, кто повторяет его на конвейере, не создаёт материю из света. Он берёт её взаймы. У того, что было до света».

Ниже приписка рукой Уилера — уже знакомая Элис по дневникам:

«Долг растёт. Проверить. При плотностях выше критической».

— До света, — повторил Арес. — Что было до света?

Нико поднял голову. Его глаза — светло-серые, почти прозрачные — смотрели куда-то сквозь стены мастерской, сквозь Кольцо, сквозь саму реальность.

— Я не знаю, что, — сказал он. — Но я видел это во сне. Оно ждёт. И оно уже здесь.

Свечение на его коже вспыхнуло ярче, на секунду осветив всю комнату. Арес и Элис одновременно посмотрели на схему реакции Брейта-Уилера, которая теперь горела на теле Нико, как клеймо.

Точка пересечения двух лучей пульсировала.

И в этой пульсации был ритм — знакомый, одиннадцатиминутный, как биение сердца спящего великана.

Где-то далеко, в глубине мёртвого сектора «Зеро», Сингулярность ответила. И на всех биржевых табло Кольца курс обмена дрогнул впервые за восемьдесят лет.

Никто, кроме горстки трейдеров, этого не заметил. Но этого было достаточно.

Порог открывался.

Глава 3. Нико-Сингуляр

Он не всегда светился.

Когда-то Нико был обычным аурайдером. Одним из сотен. Он просыпался в общей ночлежке, натягивал свинцовый жилет, брал детектор и уходил в тоннели — собирать вторичное излучение, сочащееся из трещин в старых конвертерах. Работа была опасной, грязной и плохо оплачиваемой. Но другой он не знал. Он родился на нижних уровнях, и это означало, что выбор у него был небольшой: либо аурайдер, либо утилизатор отходов, либо тело на продажу корпоративным медлабораториям. Он выбрал излучение. Оно хотя бы не врало.

До катастрофы в «Зеро» Нико работал на границе сектора — дальнем периметре, куда нормальные аурайдеры не сошались. Там фон был выше, но и сборы — богаче. Он знал каждый тоннель, каждый коллектор, каждый заброшенный пост. Знал, где проходят старые кабели под напряжением, а где можно спрятаться от патрулей безопасности. Знал, что в глубине сектора что-то гудит — низко, утробно, на грани слышимости. Старожилы говорили: это гамма-лазеры до сих пор работают, оставленные без присмотра. Но Нико знал: лазеры так не звучат.

Он был там, когда всё случилось.

Семь лет назад. Ночная смена. Заказ от перекупщика —

собрать ауру в квадрате «Зеро-12», прямо у стены, отделявшей обитаемую часть сектора от промышленной зоны. Говорили, что за стеной что-то меняется: датчики сходили с ума, энергорубль на бирже дёрнулся, несколько конвертеров остановились сами собой. Нико это не волновало. Ему нужны были деньги.

Он подошёл к стене вплотную. Приложил детектор. Экран показал фон, превышающий норму в двести раз.

И тогда стена исчезла.

Не рухнула. Не взорвалась. Просто перестала существовать. На её месте образовалась пустота — не чёрная, а золотая. Светящаяся. Из пустоты хлынуло излучение — волна, которую Нико почувствовал всем телом, каждой клеткой. Детектор взорвался у него в руке. Свинцовый жилет нагрелся так, что пошли волдыри. Он закричал.

А потом наступила тишина.

Он очнулся через три дня в подпольной клинике. Врач сказал, что его нашли на границе сектора — без сознания, но живого. Что ему повезло: доза облучения была смертельной, но он почему-то выжил. Что таких, как он, — единицы. Что его клетки мутировали, и теперь он не просто переносит

излучение. Он его накапливает.

Через неделю он впервые засветился в темноте.

Через месяц начались сны.

Сон номер один.

Он стоит на бесконечной равнине. Под ногами — не то песок, не то пепел. Над головой — небо без звёзд. Перед ним — человек, которого он никогда не видел, но узнаёт сразу: высокий лоб, очки в тонкой оправе, старомодный костюм. В руках у человека мел. Он стоит перед доской, которая висит прямо в воздухе, и пишет уравнение.

$\gamma + \gamma' \rightarrow e^- + e^+$

— Ты знаешь, что это? — спрашивает человек, не оборачиваясь.

— Реакция Брейта-Уилера, — отвечает Нико. Во сне он знает слова, которых не знал наяву.

— Верно. А знаешь, что не так с этой реакцией?

— Нет.

Человек поворачивается. Глаза его — точь-в-точь как у Нико: светло-серые, с тёмными крапинками. Такие глаза бывают у тех, кто слишком долго смотрел на свет.

— В ней нет получателя, — говорит он. — Свет превращается в вещество. Но кому принадлежит это вещество? Кто его настоящий владелец?

— Оно ничьё. Это просто физика.

— Ничьё? — человек улыбается. Улыбка печальная, почти виноватая. — Ты повторяешь мои собственные слова, сказанные девяносто лет назад. И тогда я ошибался.

— Кто вы?

— Меня зовут Джон Уилер. И у меня для тебя плохие новости.

Человек стирает уравнение с доски. Вместо него пишет другое, гораздо более длинное — Нико не понимает в нём ни символа. Но почему-то чувствует холод, заползающий под кожу.

— Порог Брейта — это не физическая константа, — говорит Уилер. — Это интерфейс. Граница между двумя способами существования: энергия и масса. Мы думали, что она мертва, как стена. Но это не стена. Это мембрана. С одной стороны — наш мир. С другой...

— С другой?

— То, что было до света.

Уилер отходит от доски. Пейзаж вокруг меняется: равнина становится городом. Только город этот мёртв. Здания то исчезают, то появляются. Воздух дрожит, как в лихорадке. В центре всего — пульсирующий сгусток золотого света. Он красивый. И от этого страшно вдвойне.

— Это Сингулярность? — шёпотом спрашивает Нико.

— Это дверь. Мы открыли её семь лет назад. Теперь она открывается снова. И те, кто её откроет до конца, получают доступ к исходному коду реальности. Тому самому, где c^2 — это не число, а переменная.

— Зачем вы мне это рассказываете?

Уилер подходит вплотную. Кладет руку на плечо Нико. Рука невесомая, как свет. Но Нико чувствует её — чувствует холод, идущий от пальцев, холод, который, кажется, может заморозить душу.

— Потому что ты — ключ, — говорит Уилер. — Когда Сингулярность коснулась тебя, она не убила твоё тело. Она переписала его. Теперь ты — живой интерфейс. Ты можешь открыть дверь. Или закрыть. Выбор будет за тобой.

— Когда?

Уилер убирает руку. Пейзаж начинает распадаться — здания, пепел, доска, само небо. Остаётся только золотая пустота. Она пульсирует, как живая.

— Когда Порог пойдёт вниз, — говорит он уже издалека, — и курс обмена рухнет, ты узнаешь. А теперь просыпайся. Они уже идут.

Нико проснулся в холодном поту. Сердце колотилось так, что, казалось, готово выпрыгнуть из груди. Свечение на его коже пульсировало в ритме одиннадцати минут. В двери ночлежки уже ломались сектанты.

Настоящее.

Они сидели в мастерской Ареса втроём: Нико, Элис и сам Арес. Терминал Ямамото молчал уже несколько часов — связь с директором оборвалась, и что это значило, можно было только гадать. Сектанты отступили после стычки в коллекторе, но это было временно. Они знали, где искать. Нико чувствовал это нутром.

Нико рассказал им сон. Не весь — только то, что счёл нужным. Про Уилера. Про уравнение. Про дверь. Про то, что он — ключ. Элис слушала молча, плотно сжав губы, пальцы её побелели. Арес хмурился так, будто у него болели все зубы сразу.

— Значит, ты общаешься с мертвым физиком во сне, — подытожил он. — И он говорит, что Порог — это дверь, а ты — ключ. И ты этому веришь?

— А ты веришь своим датчикам? — спросил Нико, глядя прямо в глаза Аресу. — Когда они показали падение порога, ты ведь не сказал: «Это бред». Ты начал копать. Почему?

— Потому что датчики не врут.

— Мои сны тоже не врут. — Нико почувствовал, как свечение на руках вспыхнуло ярче — от злости, от отчаяния, от чего-то ещё, чего он не мог назвать. — Я не знаю, как это работает. Может, излучение повредило мне мозг. Может, я схожу с ума. Но информация, которую я вижу во сне, совпадает с вашей. Порог плавает. Уилер знал. И есть нечто... до света. То, чему мы все должны.

Элис резко подняла голову. В её глазах мелькнуло что-то — испуг? интерес?

— Должны что?

— Энергию, — сказал Нико. Голос его дрогнул, но только на миг. — Каждый раз, когда конвертер превращает свет в вещество, он берёт энергию у вакуума. Но вакуум — это не пустота. Это поле. И у поля есть... назовём это сознанием. Оно помнит, сколько у него взяли. И оно хочет вернуть долг.

— Это антинаучный бред, — отрезала Элис, но щёки её залились краской.

— Да? — Нико подался вперёд, и свечение на его лице высветило глубокие тени под глазами. — А что говорит ваша наука о плавающем пороге? О сингулярности, которая пульсирует в ритме одиннадцати минут? О человеке, кото-

рый светится черенковским излучением без всякого ускорителя? Дайте мне научное объяснение, доктор Вейн. Прямо сейчас.

Элис молчала. Потому что объяснения у неё не было. Были только гипотезы — слишком безумные, чтобы озвучивать их вслух. Что сознание — это фундаментальное свойство материи, а материя — это информация. Что информация не исчезает. Что Сингулярность — это не реактор, а разум. Что c^2 — это не скорость света, а скорость обработки данных Вселенной. Но озвучить это значило признать, что последние двадцать лет она занималась не физикой, а богословием. И этот страх — холодный, липкий — читался на её лице.

— Допустим, — сказал Арес, нарушая тишину. Его голос прозвучал тяжело, как удар кувалды. — Допустим, ты ключ. Допустим, есть дверь. Допустим, за ней — то, что было до света. Что нам с этим делать?

— Решать, — сказал Нико. — Открыть или закрыть.

— А если не открывать и не закрывать? Если просто оставить как есть?

— Не получится. — Нико закрыл глаза на секунду. Когда он открыл их снова, в них была такая усталость, что у Элис

перехватило дыхание. — Порог уже плывёт. Курс обмена падает. Когда он рухнет окончательно, дверь откроется сама. И тогда уже никто никого не спросит.

— Когда это случится?

Нико закрыл глаза. Свечение на его коже замерцало быстрее, перестраивая узор, — словно внутри него кто-то торопливо писал невидимые уравнения. Элис и Арес смотрели, затаив дыхание. В мастерской стало тихо, как в могиле.

— Восемь дней, — сказал он наконец. Голос прозвучал пугающе спокойно. — Потом будет поздно.

Глава 4. 2 m e c 2

Отец Коллиматор не всегда был Отцом.

Когда-то его звали Элиас Кейн, и он был младшим научным сотрудником в лаборатории пороговых испытаний — той самой, где семь лет назад случилась первая сингулярность. Элиас был хорошим физиком. Не гениальным, но дошным. Он умел замечать детали, которые другие пропускали. Именно он первым увидел странную корреляцию: перед каждым сбоем конвертера частота гамма-импульсов образовывала не случайный шум, а последовательность. При-

митивный код. Двоичный.

Он доложил начальству. Его подняли на смех.

— Машина не может генерировать код, Кейн. Это просто электромагнитные помехи.

Но Элиас знал: это не помехи. Это сигнал. Кто-то или что-то общалось с ними через Порог. И этот кто-то был недоволен.

Когда сектор «Зеро» схлопнулся, унеся три тысячи жизней, Элиас был в двух километрах от эпицентра. Он видел, как стены зданий становились прозрачными, а потом исчезали. Как люди — его коллеги, друзья — вспыхивали и гасли, словно лампочки. Как сама ткань реальности шла рябью, будто поверхность воды, в которую бросили камень.

Он выжил чудом. Чудом — или потому, что оно его выбрало.

После катастрофы Элиас Кейн исчез. Через полгода в нижних секторах появился человек, называющий себя Отцом Коллиматором. Он носил чёрный плащ с капюшоном, скрывающим лицо, и проповедовал учение, которое вначале показалось всем безумием. Но потом — по мере того, как

конвертеры всё чаще давали сбои, а биржевой курс лихорадило, — у него появились последователи.

Учение было простым:

«Порог Брейта — это воля Творца. Два фотона, сталкиваясь, рожают вещество. Но это не просто физика. Это акт творения, который Вселенная позволяет нам совершать лишь в долг. Каждый килограмм материи, созданный конвертером, — это заём. И процент по займу растёт. Когда-нибудь кредитор придёт за своим. И тогда всё вещество, созданное людьми, вернётся в свет. А вместе с ним — и сами люди».

«Должники Порога» не были просто сектой. Они были движением. В нижних секторах, где люди умирали от облучения, собирая ауру, чтобы наверху могли печатать очередной ярус пентхаусов, слова Отца Коллиматора находили благодатную почву. Он не обещал рай. Он обещал справедливость.

И скорый конец.

В ту ночь, когда Арес, Элис и Нико готовились к похо-

ду в «Зеро», Отец Коллиматор собрал ближний круг в подземном святилище — бывшей насосной станции, переоборудованной под храм. Стены были расписаны уравнениями. Повсюду горели свечи — настоящие, восковые, добытые с огромным трудом в мире, где огонь давно заменили светодиоды. В их колеблющемся свете символы на стенах казались живыми.

В центре зала стоял алтарь. На алтаре — не распятие, не икона. Два скрещённых коллиматора, извлечённых из разрушенного конвертера. Символ реакции: $\gamma + \gamma$.

Перед алтарём на коленях стояли трое. Бывший трейдер с биржи, потерявший всё в первую же минуту падения курса. Бывший инженер-наладчик, своими глазами видевший, как четвёртый контур выплюнул материю из ничего. И женщина — аурайдер, чей муж сгорел в «Зеро» за секунду до того, как схлопнулась сингулярность.

— Братья и сёстры, — произнёс Отец Коллиматор. Голос его был тих, но разносился по залу, отражаясь от сводов. — Порог продолжает падать. Сегодня курс дрогнул дважды. Это знаки. Последние знаки перед Великим Возвращением.

— Мы готовы, Отец, — сказал бывший трейдер. Глаза его горели — не светом, а фанатизмом, который страшнее лю-

бого излучения. — Прикажи — и мы откроем Порог сами.

— Не мы. — Отец Коллиматор поднял руку. — Мы — лишь слуги. Инструменты. Открыть Порог должен тот, кого коснулась Сингулярность. Живой интерфейс. Тот, кого называют Нико-Сингуляр.

Женщина-аурайдер подняла голову:

— Мы нашли его в коллекторе. Но он ушёл. С ним были двое — техник с Инжектора и женщина с верхних уровней.

— Элис Вейн, — произнёс Отец, и в его голосе впервые прозвучало нечто кроме спокойной уверенности. Что-то похожее на уважение. — Она читала дневники Уилера. Она понимает. Но понимает неправильно. Она хочет закрыть дверь. А дверь должна быть открыта.

— Почему? — спросил бывший инженер. — Почему не оставить всё как есть?

Отец Коллиматор повернулся к нему. В свете свечей его лицо — изуродованное шрамами от давнего облучения — казалось маской, сошедшей с древнего барельефа.

— Потому что «как есть» — это ложь. Мы живём в мире,

где горстка избранных создаёт материю из ничего и продаёт её остальным. Где курс обмена — с2 — высечен в уставе Корпорации как закон божий, хотя сам Эйнштейн сказал бы: это условность. Где энергия, украденная у вакуума, считается бесплатной. Но она не бесплатна. За неё платят такие, как вы. Своими жизнями. Своей кровью. Своим облучением.

Он обвёл рукой стены храма, расписанные уравнениями.

— Великое Возвращение — это не конец. Это перезапуск. Когда вся материя вернётся в свет, мы все станем равны. Не будет ни Корпорации, ни биржи, ни элиты на верхних ярусах. Будет только чистый свет — и те, кто достоин войти в него.

— А те, кто недостоин? — тихо спросила женщина.

Отец Коллиматор опустил голову. Когда он заговорил снова, голос его звучал почти печально:

— Кредитор не прощает долгов.

На том же собрании, позже, когда ближний круг разошёлся, Отец Коллиматор остался в храме один. Он стоял перед алтарём и смотрел на скрещённые коллиматоры. Свечи до-

горали.

За его спиной бесшумно возникла фигура. Марек. Глава службы безопасности Корпорации. Тот самый, кто арестовал Лина, изъясл данные и делал всё, чтобы скрыть правду о падающем пороге.

— Они готовятся идти в «Зеро», — сказал Марек без приветствия. — Вейн, Каталано и Сингуляр. У них восемь дней по расчётам вашего... пророка.

— Нико — не пророк, — ответил Отец Коллиматор. — Он — детектор. И он прав: время на исходе.

— Вы понимаете, что если они доберутся до центра Сингулярности раньше нас, весь план рухнет? Если Вейн найдёт способ закрыть Порог, мы потеряем всё. Корпорация теряет всё.

Отец медленно повернулся. Шрамы на его лице в свете умирающих свечей казались глубокими трещинами, уходящими куда-то внутрь черепа.

— Ты до сих пор думаешь, что мы с тобой на одной стороне, Марек?

Глава безопасности напрягся.

— У нас договор. Я закрываю глаза на ваши... проповеди. Вы помогаете мне удерживать Порог в тайне.

— Договор был, — кивнул Отец. — Но обстоятельства изменились. Раньше я думал, что Корпорацию можно реформировать. Теперь я знаю: её можно только сжечь. Вместе со всеми, кто наживался на фальшивом курсе обмена.

Рука Марека дёрнулась к поясу, где висело оружие. Но он не успел.

Из теней выступили трое. Те самые — бывший трейдер, инженер и женщина-аурайдер. В руках у них были не молитвенники — портативные гамма-резаки.

— Ты предал нас, Марек, — сказал Отец Коллиматор. — Не сейчас. Давно. Когда решил, что правду можно похоронить под арестами и изъятыми данными. Но правда не горит. Она — излучение. Она просачивается сквозь любые стены.

Марек выхватил оружие, но инженер нажал на спуск резака первым. Короткая гамма-вспышка — и глава службы безопасности исчез. Не упал. Не вспыхнул. Просто перестал существовать — материя вернулась в излучение, из которо-

го была создана.

Отец Коллиматор смотрел на пустое место, где только что стоял человек, и думал о том, что сейчас чувствует кредитор, получая очередной долг.

— Подготовьте группу, — сказал он, не оборачиваясь. — Мы идём в «Зеро». Опредим Вейн и её друзей. И когда мы найдём Нико, мы не станем его убивать. Мы заставим его открыть дверь.

— А если он откажется? — спросила женщина.

Отец Коллиматор подошёл к алтарю. Взял один из скрещённых коллиматоров — тяжёлый, холодный, пахнущий старым гелием.

— Никто не отказывается от своей природы. Он — Сингуляр. Он — ключ. И ключ всегда открывает дверь. Даже если сам этого не хочет.

Свечи погасли. Храм погрузился в темноту.

Но в этой темноте, если приглядеться, можно было заметить слабое голубоватое свечение — такое же, как на коже Нико. Отец Коллиматор тоже светился. Просто его свечение

было глубоко внутри, под шрамами и кожей, и никто не видел его уже семь лет.

Он тоже был там. В «Зеро». В момент катастрофы.

И он тоже изменился.

В ту же ночь Ямамото вышел на связь.

Сигнал пришёл в три часа, когда Арес дремал прямо на верстаке, положив голову на разобранный детектор. Терминал пискнул — короткий, зашифрованный канал. Элис, не спавшая вовсе, схватила устройство.

— Ямамото?

— Слушайте быстро. Меня вычислили. Через час меня арестуют.

— За что?

— За государственную измену. Смешно, да? Измена в мире, где государства давно нет. Но Совет нашёл статью. Марек исчез — скорее всего, убит. И теперь они ищут крайнего. Я

— идеальная цель.

Элис почувствовала, как холодеют пальцы.

— Что нам делать?

— Уходить в «Зеро». Немедленно. Не ждите утра. Я перевёл вам на терминал карту старых коллекторов — тех, которые не охраняются. У вас восемь дней. Может, меньше.

— Почему меньше?

— Потому что сектанты уже выдвинулись. Отец Коллима-тор — я знаю, кто он. Элиас Кейн, младший научный из лаборатории пороговых испытаний. Он был там в момент катастрофы. Он — как ваш Нико, только... другой. Сингулярность коснулась его, но вместо того чтобы стать детектором, он стал фанатиком. Он действительно верит, что Порог нужно открыть. Любой ценой.

— Что будет, если он доберётся до Сингулярности первым?

— Он заставит Нико открыть дверь. И тогда начнётся Ре-коллапс. Вся материя в Кольце — здания, люди, воздух — всё вернётся в излучение. А заодно, возможно, и материя за

пределами Кольца. Никто не знает, как далеко это зайдёт. Может, до Земли. Может, до края Вселенной.

— Этого нельзя допустить.

— Поэтому я и даю вам карту. И ещё кое-что.

Сигнал прервался на секунду, потом возобновился.

— В центре «Зеро», в бывшей лаборатории, есть устройство. Прототип. Его построили ещё до катастрофы. Обратный конвертер. Он способен превращать материю обратно в излучение — чисто, без аннигиляции. Если вам удастся его запустить, вы сможете погасить Сингулярность. Превратить её в два гамма-луча и рассеять.

— Почему его не использовали семь лет назад?

— Потому что для запуска нужен живой оператор. Человек, способный выдержать излучение на уровне десяти тысяч зивертов. Десять тысяч, Вейн. Это мгновенная смерть для любого. Для любого, кроме вашего Нико.

Элис посмотрела на спящего в углу Нико. Его свечение мерцало в темноте — ровный, успокаивающий ритм. Десять тысяч зивертов. Даже для него это... она не знала. Не знал

НИКТО.

— Вы даёте ему шанс выжить? — спросила она.

Ямамото долго молчал.

— Я даю ему шанс выбрать, — сказал он наконец. — Что для него важнее: выжить или закрыть дверь.

— А если он выберет дверь?

— Тогда запомните одну вещь, доктор Вейн.

— Какую?

— Формула Брейта-Уилера выглядит так: гамма + гамма' \rightarrow $e^- + e^+$. Два фотона, электрон и позитрон. Но есть и обратная запись: $e^- + e^+ \rightarrow$ гамма + гамма'. Аннигиляция материи в свет. Обе реакции возможны. Обе — часть одного уравнения. И тот, кто умеет запускать их в своём теле... тот уже не человек. Тот — живое уравнение.

Связь оборвалась.

Элис долго сидела неподвижно, глядя на тёмный экран терминала. В груди разрасталась пустота — такая же холод-

ная, как коридоры Инжектора. Потом она резко разбудила Ареса:

— Вставай. Мы уходим в «Зеро». Сейчас.

— Почему сейчас? Что случилось?

— Всё случилось.

Они покинули мастерскую через час.

Тёмные коридоры Инжектора встретили их тишиной — той особенной, предрассветной тишиной, когда даже гул гамма-лазеров кажется приглушённым, а каждый шаг отдаётся в рёбрах. Арес вёл группу, сверяясь с картой Ямамото. За ним шла Элис с терминалом и дневниками Уилера — бесценный груз, от которого у неё немели руки. Замыкал цепочку Нико, чьё голубоватое свечение заменяло им фонарь. И, пожалуй, надежду.

У входа в старый коллектор, ведущего к границе «Зеро», Нико вдруг остановился. Так резко, что Арес едва не врезался в него.

— Что? — выдохнул Арес, сжимая детектор как дубину.

— Они уже там.

— Кто? Сектанты?

— И не только. Ещё кто-то. В центре Сингулярности. Я чувствую его. Он... ждёт.

— Кто ждёт? — голос Элис дрогнул.

Нико закрыл глаза. Узор на его коже вспыхнул так ярко, что на миг стало больно смотреть. Арес и Элис увидели то, чего не видели раньше: две спирали — электрон и позитрон — вращались вокруг одной невидимой точки пересечения, будто живые, будто танцевали на лезвии ножа.

— Тот, кто был до света, — тихо, почти не слышно, сказал Нико. — Он знает, что мы идём. И он... голоден.

Коллектор перед ними зиял промозглой чернотой — холодной, как дыхание могилы. Где-то в его глубине, за многие километры отсюда, лежал мёртвый сектор «Зеро». Там не было воздуха, времени и пощады. А в самом его сердце, в пульсирующем, больном ядре Сингулярности, что-то медленно открывало глаза.

Что-то, что никогда не должно было проснуться.

Глава 5. Дрожание порога

Они вошли в коллектор в предрассветный час — тот самый, когда воздух в нижних секторах становится особенно тяжёлым, а гул конвертеров наверху ненадолго стихает. Технический регламент Корпорации предписывал снижать мощность гамма-лазеров на полчаса перед утренним пиком потребления — экономия энергии, заложенная ещё в первые годы Кольца. Эти полчаса были самым тихим временем суток.

И самым опасным для тех, кто уходил в заброшенные тоннели без официального разрешения.

Коллектор «Зетта-7» тянулся под жилыми ярусами Инжектора почти на четыре километра. Когда-то здесь проходили кабели первичного питания — толстые, в руку толщиной, сверхпроводящие жилы, по которым текли мегаватты энергии от центрального ускорителя к распределительным узлам. Семь лет назад, после катастрофы в «Зеро», этот коллектор отключили и опечатали. Официально — из-за повышенного радиационного фона. Неофициально — потому что

он вёл напрямиком к границе мёртвого сектора.

Арес шёл первым. Он знал коллектор по старым картам и одному ночному рейду пятилетней давности — тогда он помог знакомому аурайдера вытащить партию нелегальных детекторов из заброшенного склада. Склад давно опустел, но память о маршруте осталась.

— Держитесь правее, — сказал он, подсвечивая путь ручным фонарём. — Через двести метров будет развилка. Левый тоннель обрушен, пойдём по правому. Там узко, но проходимо.

Элис шла второй. Она молчала с тех пор, как закончился разговор с Ямамото. В голове крутились его последние слова: «тот, кто умеет запускать их в своём теле, уже не человек». Она смотрела на спину Нико, который замыкал цепочку, и пыталась понять, что чувствует человек, ставший живым уравнением. Боль? Страх? Или что-то третье, чему ещё не придумали названия?

Нико не говорил о своих чувствах. Он вообще говорил мало. Но Элис, привыкшая читать данные с приборов, научилась читать его молчание. Сейчас он был сосредоточен — не напуган, не взволнован, а именно сосредоточен. Как человек, который знает дорогу и идёт по ней не в первый раз.

Хотя физически он здесь никогда не был. Он уходил в «Зеро» другим маршрутом — через верхние технические этажи. Но Элис подозревала, что для Нико физические маршруты уже не имели значения. Он ориентировался на что-то другое.

— Здесь пахнет озоном, — сказал Арес, останавливаясь у развилки. — Странно. Озон — признак работающего конвертера. Но тут всё обесточено.

— Не всё, — тихо ответил Нико.

Он поднял руку. Свечение на его ладони замерцало быстрее — будто пульс участился. Элис заметила, как узор на коже перестроился: теперь он напоминал не реакцию Брейта-Уилера, а что-то другое. Сложную диаграмму, похожую на интерференционную картину.

— Что ты чувствуешь? — спросила она.

— Порог дрожит. Где-то близко. Не гамма-излучение — другое. Как будто кто-то пытается открыть маленькую дверь внутри большой.

— Маленькую дверь?

— Микросбой. Конвертер, оставленный без присмотра. Он включается и выключается сам собой. На несколько секунд. Даёт вспышку. Потом гаснет. И так по кругу.

— Это опасно?

Нико опустил руку. Посмотрел в темноту коллектора — туда, где правый тоннель уходил в неизвестность.

— Нет, — сказал он. — Опасно другое.

— Что?

— Оно знает, что мы здесь.

Они пошли дальше.

Правый тоннель действительно был узким — Аресу пришлось протискиваться боком, держа фонарь над головой. Стены покрывала старая изоляция, местами осыпавшаяся и обнажившая ржавые рёбра арматуры. Под ногами хлюпала техническая жидкость — конденсат систем охлаждения, просочившийся сквозь микротрещины в перекрытиях. Пах-

ло сыростью, металлом и всё тем же озоном, который не должен был здесь быть.

Через полчаса они вышли к первому барьеру.

Когда-то это был шлюз, разделявший жилую и техническую зоны. Теперь от него осталась покорёженная рама, за которой начинался сектор с повышенным фоном. На стене висела старая табличка — облупившаяся, но ещё читаемая:

**ВНИМАНИЕ: ЗОНА НЕСТАБИЛЬНОГО ПОРОГА.
ВХОД ЗАПРЕЩЁН. КАТЕГОРИЯ «ОМЕГА».**

— «Омега», — прочитал Арес. — Высшая категория опасности. Здесь уже были сбои до катастрофы.

— Ямамото говорил, что перед схлопыванием «Зеро» Порог дрожал несколько недель, — сказала Элис. — Никто не придал значения. Думали, помехи.

— А это были не помехи?

— Теперь мы знаем, что нет.

Нико подошёл к барьеру вплотную. Положил ладонь на ржавую раму. Свечение с его руки перетекло на металл —

голубоватые искры побежали по контуру шлюза, высвечивая скрытые линии, которые раньше не были видны. Линии складывались в геометрический узор, напоминающий схему конвертера. Только этот конвертер был размером со стену. И он был живой.

— Здесь проходила реакция, — тихо сказал Нико. — Не в камере. Прямо в воздухе. Спонтанная материализация. Кто-то пытался создать вещество без лазеров.

— Без лазеров? — переспросила Элис. — Это невозможно. Чтобы запустить реакцию Брейта-Уилера, нужны два гамма-фотона с энергией выше порога.

— Значит, фотоны были. Но не снаружи. Изнутри.

— Чьего изнутри?

Нико убрал руку. Узор погас.

— Того, кто был до света.

Они пересекли барьер.

Фон за шлюзом был выше, чем ожидала Элис. Дозиметр на поясе Ареса тихо потрескивал — пока ещё в пределах допустимого, но цифры медленно ползли вверх. Он включил портативный свинцовый экран — пластину на телескопической ручке, которую нёс в рюкзаке. Элис достала свой экран.

— Нико, ты как? — спросила она.

— Нормально, — ответил он. — Здесь даже легче. Ближе к источнику фон становится... дружелюбнее.

— Дружелюбнее? — Арес хмыкнул. — Ты говоришь о радиации, которая способна убить человека за минуту.

— Она не хочет нас убивать. Она хочет говорить. Просто у неё нет слов.

Он двинулся дальше, не дожидаясь остальных. Арес и Элис переглянулись, но ничего не сказали. Спорить с Нико о природе излучения было бессмысленно. Он чувствовал то, чего не показывали приборы. И пока его чутьё вело их в правильном направлении, лучше было доверять.

Тоннель расширился, превратившись в бывший распределительный зал — круглое помещение с высоким сводом, от которого отходили лучами шесть коридоров. В центре за-

ла стояло то, что когда-то было главным распределительным щитом: гряда оплавленного металла и пластика, застывшая в причудливой форме, напоминающей замерзший взрыв.

— Здесь это случилось, — сказал Нико, останавливаясь.
— Первый сбой. За три дня до катастрофы.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел это во сне. Номер четыре. Или пять. Я уже сбился.

Он обошёл оплавленную гряду по кругу. Его свечение отражалось в лужах технической жидкости на полу — голубые блики дрожали и множились, создавая иллюзию, будто в зале горят десятки маленьких огней.

— Здесь был техник, — продолжал Нико. — Он проверял щит. И вдруг воздух вокруг него стал твёрдым. На секунду. Потом снова газ. А потом — опять твёрдый. Фазовый переход без изменения температуры. Порог Брейта упал так низко, что теплового излучения хватило для материализации.

— Теплового? — переспросила Элис. — Инфракрасного? Это невозможно. Энергия инфракрасных фотонов в миллионы раз ниже порога.

— Значит, порог упал в миллионы раз. На долю секунды.

Элис хотела возразить, но промолчала. Потому что уравнения Уилера, которые она расшифровала, говорили о том же. При критической плотности энергии вакуума c^2 перестаёт быть константой. И когда она падает — даже обычный свет становится способным рождать материю. Любой свет. Даже тот, что испускает человеческое тело.

— Техник выжил? — спросил Арес.

— Нет. — Нико покачал головой. — Часть его тела материализовалась в сталь. Часть осталась плотью. Он умер мгновенно.

Наступило молчание. Элис представила себе эту картину и поёжилась. Вот что значит «нестабильный Порог». Не просто сбой конвертера. Не просто падение курса обмена. Это буквальное растворение границы между светом и веществом, при котором любой фотон может стать кирпичом, а любой кирпич — вспышкой.

— Идём дальше, — сказала она. — Здесь нам нечего делать.

Нико кивнул и указал на один из шести коридоров — самый тёмный, уходящий вниз под углом.

— Туда. Там начинается «Зеро».

Они спускались по наклонному коридору около часа.

С каждым шагом фон нарастал. Дозиметр Ареса уже не трещал, а пищал — короткие, настойчивые сигналы. Свинцовые экраны начинали нагреваться. Воздух стал сухим, электризованным; волосы на голове Элис встали дыбом, и она чувствовала, как по коже бегают искры статического электричества.

А потом началось дрожание.

Она почувствовала его не телом — сознанием. Будто мир на секунду расфокусировался, а потом снова стал резким. Арес остановился как вкопанный.

— Ты тоже это почувствовал? — спросила она.

— Да. Как будто...

— ...будто кто-то нажал паузу и снова включил, — закончил он. — Что это было?

— Порог, — ответил Нико. — Он не просто плавает. Он колеблется. Как струна. И частота растёт.

— Почему?

Нико не ответил. Он смотрел в темноту впереди — туда, где коридор заканчивался массивной гермодверью с маркировкой «Z-01». Граница сектора «Зеро».

— Потому что она чувствует нас, — сказал он наконец. — Сингулярность. Она знает, что кто-то приближается. И она... радуется.

— Радуется? — недоверчиво переспросил Арес.

— У неё нет эмоций в нашем понимании. Но есть что-то похожее. Назови это ожиданием. Или голодом.

Нико подошёл к гермодвери. Положил ладонь на холодный металл. На этот раз свечение не просто перетекло — оно хлынуло с его руки потоком, заливая всю поверхность двери, проступая сквозь сталь, как вода сквозь бумагу. Элис и Арес отступили на шаг.

Гермодверь дрогнула. Сдвинулась. Открылась.

За ней не было ничего.

То есть — ничего привычного. Никакого коридора, никаких стен. Только золотистое марево, колышущееся, как воздух над раскалённым асфальтом. И в этом мареве — движение. Какие-то формы, которые возникали и распадались, не успев оформиться до конца. Электрон-позитронные пары, рождавшиеся и аннигилирующие в одном и том же такте. Вечный, незатухающий ритм.

Порог Брейта в чистом виде.

— Мы на месте? — спросила Элис.

— Нет, — сказал Нико, и в его голосе впервые прорезалось что-то человеческое — страх или его тень. — Мы только вошли в прихожую.

Он шагнул в золотистое марево. На секунду его силуэт стал прозрачным — Элис видела сквозь него стены. Потом он обернулся, протянул руку.

— Идите. Держитесь рядом. Если отстанете — потеряе-

тесь навсегда.

Арес взял Элис за руку. Элис взяла Нико. И они вошли в Сингулярность.

Мир внутри был безмолвен и полон звуков одновременно.

Безмолвен — потому что здесь не было воздуха в привычном смысле. Звуковые волны не могли распространяться в среде, которая то была, то не была. Но Элис слышала — не ушами, а чем-то другим, чему она не знала названия, — ритм. Тот самый, одиннадцатиминутный, пульсирующий, как сердце.

Тук. Пауза. Тук. Пауза. Тук.

В такт этому ритму пространство вокруг них рождалось и умирало. Стены тоннеля появлялись на несколько секунд — твёрдые, реальные, — а потом исчезали, оставляя только свечение. Вспышки гамма-излучения проносились мимо, не задевая их — Нико отводил их, как и обещал. Его фигура была единственным стабильным объектом в этом море нестабильности.

— Здесь красиво, — прошептал Арес, сам не зная зачем.

— Красиво, — согласился Нико. — И страшно.

Они шли сквозь кольшущуюся золотую пустоту. Элис пыталась считать шаги, но быстро сбилась — расстояние здесь не имело смысла. Они могли пройти километр или метр. Время тоже текло странно: иногда ей казалось, что прошла минута, иногда — что час.

А потом впереди что-то появилось.

Сначала — тень. Потом — силуэт. Человеческая фигура, сотканная из того же золотистого света, что и всё вокруг. Она стояла неподвижно, и только голова слегка поворачивалась, будто всматриваясь в приближающихся гостей.

— Это оно? — спросил Арес шёпотом.

— Нет, — ответил Нико. — Это страж. Протоматерия. Она охраняет центр.

— Охраняет от кого?

— От тех, кто хочет открыть дверь. Или закрыть. Она не различает. Она просто не пускает.

Фигура сделала шаг навстречу. В её очертаниях Элис узнала человеческие черты — лицо, плечи, руки. Но черты эти перетекали, менялись, будто отражение в текущей воде. Мужчина. Женщина. Ребёнок. Старик. Все сразу и никто конкретно.

— Оно опасно? — спросил Арес, доставая детектор.

— Детектор не поможет. Оно — не излучение. Оно — ошибка реальности, которой разрешили существовать.

Страж остановился в десяти шагах. Поднял руку. На его ладони — такой же узор, как на коже Нико. Два луча, пересекающиеся в точке. Электрон и позитрон, вылетающие в разные стороны.

— Оно хочет говорить, — сказала Элис. — Смотрите.

Узор на ладони Стража замигал. Сначала быстро, потом медленнее. Элис узнала ритм — двоичный код. Тот самый, о котором писал в своих дневниках Уилер. Тот самый, который, по легендам, видел Элиас Кейн перед катастрофой.

Точка-тире-точка-точка. Тире-тире-точка. Пауза.

— Оно передаёт сообщение, — прошептала Элис. — Кто-нибудь может расшифровать?

— Я могу, — сказал Нико. Он смотрел на мигающий узор не отрываясь. — Оно говорит: «Вы пришли рано».

— Рано для чего?

Нико помолчал. Узор на его собственной коже замигал в ответ.

— Рано для последнего платежа, — перевёл он. — Долг ещё не созрел. Но скоро. Очень скоро.

Страж опустил руку. Постоял ещё мгновение. А потом начал распадаться — медленно, красиво, как сгорающая в небе комета. Через несколько секунд от него осталась только золотая пыль, которая втянулась в окружающее марево и исчезла.

Путь в центр Сингулярности был открыт.

Никто не сказал ни слова, пока они шли дальше. Но каждый думал об одном и том же.

«Долг ещё не созрел».

Что это значило? Что Сингулярность — это не просто авария, а механизм? Что у Вселенной есть график платежей? И что будет, когда долг созреет окончательно?

Элис вспомнила Уилера: «Кредитор не прощает долгов».

Арес вспомнил биржевое табло с зелёной цифрой с2, которая теперь казалась не константой, а таймером обратного отсчёта.

А Нико вспомнил свой самый первый сон — тот, в котором человек с глазами, полными света, сказал ему: «Ты — ключ. И ключ всегда открывает дверь. Даже если сам не хочет».

Он до сих пор не знал, было это предупреждением или пророчеством.

Но он знал одно: в центре Сингулярности, в сердце мёртвого сектора, ждала дверь. И у него оставалось семь дней, чтобы решить, что с ней делать.

Глава 6. Запрещённые дневники

Они устроили привал в том, что когда-то было диспетчерской пункта «Зеро-4».

Помещение чудом сохранилось — стены, пол, даже пульт управления, покрытый толстым слоем пыли. Золотистое мадрево Сингулярности сюда не проникло: диспетчерская находилась в кармане стабильности, какие иногда встречались на границе мёртвого сектора. О таких местах рассказывали аурайдеры — островки реальности, где законы физики ещё работали так, как предписано учебниками.

Арес проверил дозиметр: фон здесь был почти в норме. Можно было снять свинцовые экраны, можно было дышать полной грудью — насколько это возможно в воздухе, пропитанном озоном и металлической пылью.

— Располагаемся, — сказал он. — Часа два у нас есть. Потом нужно двигаться дальше, пока сектанты не нащупали наш след.

Элис опустилась на пол у стены, пристроив рядом терминал. Нико сел в углу, обхватив колени руками. Его свечение здесь, в стабильной зоне, почти погасло — только тонкие го-

лубые линии на предплечьях напоминали о том, кто он такой.

Арес достал из рюкзака паёк — обезвоженные протеиновые брикеты и флягу с водой. Есть не хотелось, но он знал, что нужно. Впереди был центр Сингулярности, и никто не мог сказать, когда им удастся поесть в следующий раз. Если удастся вообще.

— Расскажи мне про дневники, — неожиданно сказал он, глядя на Элис. — Ты упоминала их ещё там, в мастерской. Уилера. Что в них такого, из-за чего ты готова идти в мёртвый сектор?

Элис помолчала. Потом открыла терминал, нашла нужный файл и повернула экран так, чтобы было видно обоим — и Аресу, и Нико.

— Это копии. Оригиналы хранились в архиве Корпорации, но Ямамото сделал цифровые слепки до того, как архив засекретили. Здесь записи Джона Уилера, которые он вёл последние десять лет жизни. Неофициальные. Он никогда не публиковал их.

— Почему?

— Потому что они противоречили всему, что он сам же и создал. Уилер — один из отцов квантовой механики, автор термина «чёрная дыра», соавтор процесса Брейта-Уилера. Он построил карьеру на том, что реальность познаваема, а физические законы универсальны. Но в этих дневниках...

Она пролистнула несколько страниц.

— ...в этих дневниках он пишет, что ошибался.

Арес придвинулся ближе. Нико поднял голову.

— Первая запись, — начала Элис, — датирована 1979 годом. Уилеру семьдесят лет. Он только что прочитал доклад по итогам эксперимента в SLAC — это старый ускоритель частиц. Эксперимент подтверждал процесс Брейта-Уилера в лабораторных условиях: два фотона при столкновении действительно рождают электрон-позитронную пару. Всё точно по уравнению. Поздравления, шампанское, научная сенсация.

— Но?

— Но Уилер пишет вот что. — Элис зачитала с экрана:

«Сегодня мне сообщили, что эксперимент прошёл успешно. Брейта уже нет с нами, жаль, что он не дожил. Но радость моя омрачена странным беспокойством. Уравнение работает. Идеально. Слишком идеально. Как будто реальность ЗНАЛА, что мы проверяем именно эту реакцию, и подыграла нам. Глупость, конечно. Но я не могу отделаться от мысли, что мы не открыли закон природы. Мы нашли ИНТЕРФЕЙС. И кто-то ответил на наш запрос».

— Интерфейс? — переспросил Арес. — Он думал, что уравнение — это запрос?

— Дальше — больше. — Элис пролистнула ещё. — 1983 год. Уилер пишет о так называемом «антропном принципе участия». Он выдвигает гипотезу, что реальность не существует сама по себе, а формируется наблюдателем. Мы не просто живём во Вселенной. Мы её СОЗДАЁМ своими вопросами. Каждое измерение, каждый эксперимент — это акт творения.

— Философия, — фыркнул Арес. — Красивая, но философия.

— Я тоже так думала. Пока не дочитала до 1989 года. — Элис открыла новую страницу. — Здесь он возвращается к процессу Брейта-Уилера. И пишет: «Если я прав и реаль-

ность — это результат наблюдения, тогда уравнение $\gamma + \gamma' \rightarrow e^- + e^+$ — это не описание физического закона. Это ОПИСАНИЕ ДИАЛОГА. Два фотона — это вопрос. Электрон и позитрон — ответ. Но кто отвечает? И, что важнее, может ли ответ измениться, если изменится вопрос?»

Арес молчал. Нико смотрел на Элис, не мигая.

— 1992 год, — продолжала она. — Уилер вводит понятие «Петли участия». Он предполагает, что процесс превращения света в вещество — это не односторонний акт творения, а циклический. Вселенная задаёт вопрос — наблюдатель отвечает — Вселенная корректирует реальность — наблюдатель снова задаёт вопрос. И так бесконечно. А теперь самое главное. 2001 год, последняя запись в дневнике.

Элис повернула экран к себе. Голос её дрогнул:

— Уилер пишет: «Порог Брейта — это не стена, не константа. Это ДОГОВОР. Я не знаю, кто вторая сторона. Возможно, это сама ткань реальности. Возможно, что-то большее, что я не решаюсь назвать. Но договор можно пересмотреть. И если однажды люди начнут создавать материю из света в промышленных масштабах, они неизбежно нарушат баланс. Вторая сторона ответит. Не потому, что она зла. А потому, что таковы условия. И тогда Порог дрогнет. И начнётся

Реколлапс — обратное превращение материи в излучение. Всей материи. По всей Вселенной».

Она отложила терминал. В диспетчерской повисла тишина — такая густая, что можно было потрогать руками.

— Это последняя запись, — сказала Элис. — Через два года Уилер заболел. Ещё через пять лет умер. Дневники остались в архиве. Корпорация нашла их, когда разрабатывала первые промышленные конвертеры. И знаете, что они сделали?

— Засекретили, — сказал Арес.

— Засекретили и проигнорировали. Потому что прибыль от конвертеров была триллионной. Потому что никто не хотел верить, что c^2 — это не константа, а пункт в договоре. И вот мы здесь.

Она обвела рукой стены диспетчерской, покрытые пылью, и золотистое марево за дверью, в котором рождалась и умирала материя.

— Порог дрогнул. Как и предсказывал Уилер. А мы даже не знаем, кто вторая сторона.

Нико долго молчал — так долго, что Арес уже открыл рот, чтобы что-то сказать. Потом Нико заговорил. Голос его звучал тихо, но в тишине диспетчерской каждое слово падало, как камень в воду.

— Я знаю, — сказал он.

Элис и Арес одновременно повернулись к нему. Арес даже перестал жевать.

— В смысле?

— Я знаю, кто вторая сторона. Я видел её. Во сне номер семь. Или восемь. Я уже не считаю.

— Что ты видел?

Нико поднял руку. Свечение на его коже замерцало, перестраивая узор. На этот раз это была не реакция Брейта-Уилера. Это было что-то другое. Сложная геометрическая фигура, напоминающая спираль, уходящую в бесконечность.

— Это не «кто», — сказал он. — Это «что». Оно не живое в нашем понимании. У него нет имени. Нет формы. Оно —

просто информация. Чистая. Исходный код. То, что было до света.

— Ты говорил об этом раньше. До света — это что?

— Я не знаю, как объяснить. — Нико на мгновение закрыл глаза. — Когда я был там, в Сингулярности, я видел... не картины, не образы. Я видел ПРАВИЛА. Как будто мне показали уравнения, по которым работает реальность. И там не было констант. Ни c , ни G , ни h . Там были переменные. Их можно было менять.

— Менять константы? — недоверчиво переспросила Элис.

— Да. Как настройки в программе. И тот, кто умеет это делать, может переписывать реальность. Не создавать материю из света — это мелочь. А менять саму ткань бытия.

— Кто умеет это делать?

— Никто из людей. Но ТО, что было до света, — умеет. И когда мы начали создавать материю в промышленных масштабах, мы привлекли его внимание. Не потому, что нарушили какой-то закон. А потому, что показали: мы готовы. Готовы к диалогу.

— К диалогу? О чём?

Нико опустил руку. Узор погас. В его глазах вдруг появилось что-то древнее и очень усталое — как будто он нёс этот груз сотни лет.

— О новом договоре, — сказал он. — Старый истекает. Порог — это не физика. Порог — это переговорная. И тот, кто войдёт в центр Сингулярности, сможет говорить от имени всего человечества. Всё, что останется после этого мира, будет зависеть от его слов.

Арес поднялся на ноги. Прошёлся по диспетчерской, остановился у старого пульта, провёл рукой по пыльной панели. Его лицо было мрачнее тучи.

— Допустим, ты прав, — сказал он. — Допустим, Порог — это переговорная. Допустим, там сидит что-то, что было до света. И оно хочет обсудить новый договор. Что будет, если мы придём на переговоры?

— Мы сможем изменить правила, — сказал Нико. — Не просто закрыть дверь или открыть. А переписать условия.

Сделать так, чтобы материя не бралась взаймы, а создавалась по-настоящему. Чтобы не было долга. Не было процентов. Не было Реколлапса.

— А что будет, если на переговоры придёт Отец Коллиматор?

Нико помолчал. Его лицо оставалось спокойным, но свечение на коже стало ярче — признак волнения, который Элис уже научилась распознавать.

— Тогда он потребует прощения долга, — сказал Нико. — Но не для того, чтобы спасти людей. А для того, чтобы уничтожить их.

— Зачем ему это?

— Потому что он ненавидит. Он ненавидит Корпорацию, ненавидит верхние ярусы, ненавидит сам принцип, по которому одни создают материю, а другие платят за это жизнями. Он хочет не справедливости. Он хочет мести. И он думает, что если откроет дверь и впустит ТО, что было до света, оно сожжёт этот мир дотла. Но он ошибается.

— В чём?

— То, что было до света, не сжигает. Оно ПЕРЕПИСЫВАЕТ. Если Отец Коллиматор откроет дверь, реальность не исчезнет. Она изменится. И в новой реальности не будет места ни для кого из нас. Ни для него. Ни для нас. Ни для людей вообще. Мы просто... перестанем быть. Как строчка, которую стёрли и написали поверх новую.

Нико замолчал. Элис смотрела на дневники Уилера, всё ещё открытые на последней странице.

Арес смотрел на старый пульт, покрытый пылью — немой свидетель катастрофы, которая случилась семь лет назад потому, что никто не захотел слушать старого физика, рисовавшего уравнения на доске снежной ночью 1934 года.

В горле у Элис пересохло. Она вдруг остро, до боли, поняла, что они все — три крошечных человека на краю реальности — держат в руках что-то невероятно хрупкое. Будущее. Всё будущее.

— Значит, мы должны успеть первыми, — сказал Арес. Голос его звучал тяжело, как камнепад. — Дойти до центра, найти обратный конвертер и запустить его. Погасить Сингулярность. Закрывать дверь.

— Или открыть её самим, — тихо добавила Элис. — И

заклучить новый договор.

Они переглянулись. Три человека в заброшенной диспетчерской на границе мёртвого сектора. Физик-практик, который верил только приборам. Физик-теоретик, которая поверила дневникам мертвеца. И живой детектор, чьё тело стало антенной для сигналов из-за грани реальности.

У каждого была своя правда. И каждый знал, что до центра дойдут не все.

— Отдыхаем, — сказал Арес. Его голос вдруг стал мягче — насколько вообще мог быть мягким голос Ареса. — Через два часа выдвигаемся. До центра «Зеро» ещё три перехода. Там будет хуже.

— Хуже, чем здесь? — спросила Элис.

— Здесь было предбанником. Дальше начнётся ядро.

Нико закрыл глаза. Его свечение мерцало в такт одиннадцатиминутному ритму Сингулярности — ровно, успокаивающе, будто колыбельная. Он не боялся ядра. Он боялся другого: что когда они дойдут до центра, ему придётся выбирать. И любой выбор будет означать, что он потеряет себя.

Навсегда.

Элис сжала его руку — просто так, молча. Он не открыл глаз, но пальцы его легонько ответили.

В двадцати километрах от них, на другой стороне «Зеро», Отец Коллиматор вёл свою группу через такое же золотистое марево.

С ним было двенадцать человек. Двенадцать апостолов, как он называл их про себя. Каждый был готов умереть. Каждый верил, что Великое Возвращение — это не конец, а начало. В их глазах горел тот же дикий огонь, что семь лет назад горел в глазах Элиаса Кейна, когда он лежал под обломками и понимал: никто не придёт его спасти.

Отец Коллиматор тоже чувствовал ритм. Но в отличие от Нико, он не слушал его — он ПОДСТРАИВАЛСЯ под него. Его собственное тело, изуродованное давней катастрофой, резонировало с пульсом Сингулярности. И чем ближе они подходили к центру, тем сильнее становился резонанс. Тем громче звучал голос.

Иди.

Он не говорил своим последователям всей правды.

Он не говорил им, что «вторая сторона» уже обращалась к нему — семь лет назад, когда он лежал под обломками лаборатории и умирал. Оно предложило ему сделку: жизнь в обмен на служение. Не физическое — информационное. Он должен был стать голосом, рупором, пророком. Он должен был привести людей к двери. А дальше...

Дальше оно обещало переписать правила.

Оно обещало мир без долгов, без Корпорации, без сословного деления, без этой гнилой пирамиды, где люди внизу сгорают заживо, чтобы люди наверху могли позволить себе ещё один конвертер. Оно обещало справедливость.

Ценой всего.

И Элиас Кейн, младший научный сотрудник, которого никто не слушал, согласился. Он стал Отцом Коллиматором. Он построил секту. Он ждал семь лет, пока Порог не начал дрожать. И теперь, когда дверь почти открылась, он не собирался останавливаться.

Даже если для этого придётся убить Нико.

Или хуже — позволить ему открыть дверь первым.

Отец Коллиматор улыбнулся в темноте. Улыбка была страшной — нечеловеческой, потому что человеческое в нём умерло семь лет назад под обломками лаборатории «Зеро».

Остался только голос.

И голос говорил: Скоро.

Глава 7. e- / e+

Ядро встретило их тишиной.

Не той тишиной, что бывает в заброшенных тоннелях — с гулом вентиляции, капаньем воды и далёким эхом собственных шагов. Здесь было по-другому. Тишина стояла такая плотная, что её, казалось, можно потрогать рукой. Она давила на уши, забиралась под кожу, глушила мысли.

Золотистое марево, через которое они шли последние несколько часов, сменилось чем-то новым. Пространство здесь не просто колебалось — оно существовало в двух со-

стояниях одновременно. Как электрон на орбитали — который и здесь, и не здесь, пока не измеришь.

Арес шёл медленно, выставив перед собой детектор. Прибор показывал чушь: фон скакал от нуля до десяти тысяч зивертов и обратно, датчик массы регистрировал объекты, которых не было видно глазу, а счётчик частиц захлёбывался от электрон-позитронных пар, рождающихся и аннигилирующих прямо в воздухе.

— Здесь Порог упал почти до нуля, — сказала Элис, глядя на свой терминал. — Любой фотон, даже реликтовый, способен родить пару. Мы идём сквозь реакцию Брейта-Уилера в чистом виде.

— Опасно? — спросил Арес.

— Для обычного человека — смертельно. Мы бы уже превратились в облако плазмы. Но Нико экранирует.

Она обернулась. Нико шёл последним, и его свечение теперь не было мягким голубоватым мерцанием. Оно горело ровным, ярким светом, образуя вокруг него кокон. И внутри этого кокона физические законы держались — условно, на грани, но держались.

— Я не смогу долго, — сказал Нико. Голос его звучал напряжённо. — Ядро... оно давит. Как будто пытается выдавить меня отсюда. Или втянуть до конца. Я ещё не понял.

— Втянуть?

— Оно хочет, чтобы я открыл дверь. Здесь, в ядре, я чувствую это особенно сильно. Дверь близко. Очень близко.

— Сколько ещё?

— Два перехода. Может, три. Расстояние здесь непостоянно.

Они двинулись дальше. Под ногами хрустело что-то, похожее на стеклянную крошку — застывшие капли протоматерии, которую Сингулярность выплюнула и забыла забрать обратно. Стены тоннеля, когда они появлялись, были покрыты странными узорами — не трещинами, не коррозией, а геометрическими фигурами, похожими на те, что Нико показывал на своей коже.

— Схема конвертера, — сказал Арес, проводя лучом фонаря по стене. — Только в масштабе всего сектора. Смотри: вот здесь входные коллиматоры...

— ...а здесь точка реакции, — закончила Элис, указывая на центр фигуры. — Весь «Зеро» — это один большой конвертер. Его построили не люди. Он ВЫРОС здесь после катастрофы.

— Кто его строит?

— Никто. Он строится сам. Сингулярность — это не взрыв. Это программа, которая переписывает пространство под себя. И она почти завершила установку.

Впереди что-то вспыхнуло. Не золотистым — белым. Резким, режущим глаз светом.

— Стойте, — сказал Нико.

Из белой вспышки выступили фигуры. Три, пять, десять. Они были человеческими — две руки, две ноги, голова — но состояли не из плоти, а из того же колеблющегося вещества, что и Страж на границе. Протоматерия. Только здесь, в ядре, она была плотнее. Агрессивнее. Злее.

— Они не пускают, — сказал Нико.

— Почему? Мы не хотим открывать дверь. Мы хотим её закрыть.

— Они не различают. Они — стражи Порога. Они нападают на всех, кто приближается.

Фигуры двинулись вперёд. Медленно, неотвратно, как прилив. Арес выхватил детектор, хотя знал, что оружие здесь бесполезно. Элис открыла терминал, лихорадочно ища что-то в записях Ямамото.

— У них есть слабое место, — сказала она. — Протоматерия нестабильна по определению. Она существует, пока существует Сингулярность. Если ударить по ней правильной частотой...

— Какой?

— Частотой аннигиляции. Той же, на которой работает обратный конвертер.

Она нашла файл. На экране загорелся набор чисел — частотная модуляция, снятая когда-то с прототипа в лаборатории.

— Арес, твой детектор может генерировать гамма-импульсы?

— Только слабые, для калибровки. Не оружие.

— Не нужно оружие. Нужен резонанс. Как камертон, который разбивает стекло. Если мы попадём в частоту...

Арес начал перенастраивать детектор. Руки работали быстрее мысли — сказывались годы практики. Фигуры приближались. Нико вытянул руки вперёд, и его кокон расширился, охватывая товарищей. Свечение стало почти невыносимым.

— Быстрее!

— Готово. — Арес нажал на спуск.

Детектор издал короткий, высокий звук — почти на грани ультразвука. Гамма-импульс, слабый, как комариный укус, пронзил пространство.

И мир дрогнул.

Фигуры протоматерии замерли. Их очертания пошли рябью — той самой, которую Арес видел на графиках четвёртого контура. Порог Брейта в миниатюре. А потом они начали распадаться. Не как Страж — медленно и красиво, — а резко, словно лопнувшие мыльные пузыри. Электрон-пози-

тронные пары аннигилировали, испуская вспышки чистого гамма-излучения.

Через несколько секунд коридор был пуст.

— Получилось, — выдохнула Элис. В голосе её дрожала едва сдерживаемая радость.

— Получилось, — эхом повторил Арес, опуская детектор.

Но Нико не разделял их радости. Он смотрел вперёд, в темноту за белой вспышкой, и лицо его было напряжено. Губы сжались в тонкую нить.

— Мы только что объявили о себе, — сказал он. — Все-му ядру. Теперь Сингулярность знает точно, где мы. И она пошлёт за нами не стражей.

— А кого?

Нико не успел ответить. Из темноты донёсся звук — первый настоящий звук за всё время пребывания в ядре. Шаги. Много шагов. И голос — спокойный, почти ласковый, от которого по спине побежали мурашки:

— Братья и сёстры. Мы нашли их.

Из золотистого марева выступили люди. Двенадцать фигур в тёмных плащах. Впереди — человек, чьё лицо было скрыто капюшоном, но голос казался странно знакомым. Отец Коллиматор.

— Доктор Вейн, — произнёс он, останавливаясь в двадцати шагах. — Арес Каталано. И, разумеется, Нико-Сингуляр. Я ждал этой встречи семь лет.

Элис шагнула вперёд, заслоняя Нико. Сердце колотилось где-то в горле, но голос не дрогнул:

— Мы не допустим, чтобы вы открыли дверь.

— А я и не прошу разрешения.

Отец Коллиматор откинул капюшон. Арес и Элис увидели его лицо — изуродованное шрамами, но узнаваемое. Человек, который когда-то был младшим научным сотрудником лаборатории пороговых испытаний. Человек, который выжил в катастрофе. Человек, который заключил сделку с тем, что было до света.

— Вы не понимаете, что делаете, — сказала Элис. Голос её набрал силу. — Дверь — это не прощение долга. Дверь

— это конец всего.

— Конец ЭТОГО всего, — поправил Отец Коллиматор. Глаза его горели оранжевым — тем же цветом, что пульсировало на его ладонях. — И начало другого. Справедливого. Там, где не будет Корпорации, не будет биржи, не будет богатых ярусов и бедных аурайдеров. Там будет только чистый свет — и все равны перед ним.

— Вы говорите о смерти.

— Я говорю о перезагрузке.

Он сделал шаг. Апостолы за его спиной двинулись следом, окружая группу. Сердце Элис пропустило удар. Арес сжал детектор так, что побелели костяшки.

— Отдайте мне Нико, — сказал Отец Коллиматор. — И я отпущу вас. Обещаю. Вы дойдёте до границы сектора, вернётесь в Кольцо и будете жить — сколько там осталось до Реколлапса. Часов, может, дней. Но это лучше, чем умереть прямо здесь.

— А если не отдадим?

Отец Коллиматор улыбнулся. Улыбка на изуродованном

лице выглядела жутко — как трещина на старой маске.

— Тогда вы умрёте здесь. А Нико всё равно откроет дверь. Потому что он — ключ. А ключ не может не открыть замок. Такова его природа.

Нико вышел вперёд. Встал между Элис и Отцом Коллиматором. Его свечение разгоралось, заполняя пространство голубоватым сиянием. Он говорил тихо, но каждое слово резало воздух, как лезвие:

— Ты прав. Я ключ. Но ключ можно сломать.

— Ты не сломаешь себя. — Отец Коллиматор небрежно покачал головой. — Я знаю тебя. Вернее, знаю то, что в тебе. Семь лет назад Сингулярность коснулась нас обоих. Но она дала нам разные дары. Ты стал приёмником. Я — передатчиком. Ты слушаешь то, что было до света. А я... я ГОВОРЮ с ним.

Он поднял руку. И на его ладони — точь-в-точь как у Нико — загорелся узор. Два луча, пересекающиеся в точке. Электрон и позитрон. Реакция Брейта-Уилера.

— Мы — две половинки одного уравнения, — сказал Отец Коллиматор. — e^- и e^+ . Ты — электрон. Я — позитрон.

Вместе мы — ключ к двери. Порознь — просто сбой в программе. Ты не сможешь закрыть дверь без меня. А я не смогу открыть её без тебя. Вот почему мы здесь.

Нико смотрел на его ладонь. На узор, который был зеркальным отражением его собственного. Две спирали, закрученные в разные стороны. Частица и античастица. Судьба и антисудьба.

— Ты лжёшь, — сказал он. — Ты не позитрон. Ты — информация, которую Сингулярность переписала под себя. Ты — вирус в программе.

— А ты — антивирус? — усмехнулся Отец Коллиматор. — Что ж, пусть так. Тогда давай проверим, что сильнее: вирус или антивирус. Электрон или позитрон. Открыть или закрыть.

Он развёл руки в стороны. И пространство вокруг них начало меняться.

Золотистое марево сгустилось, потемнело до цвета старой бронзы. Стены тоннеля исчезли окончательно, оставив только бесконечную пустоту, в которой горели два источника света. Один — голубой, холодный, исходящий от Нико. Второй — оранжевый, горячий, исходящий от Отца Колли-

матора.

Апостолы отступили — даже они не решались приблизиться. Арес и Элис прижались друг к другу, чувствуя, как реальность вокруг них натягивается, словно струна, готовая лопнуть. Воздух — если это был воздух — зазвенел.

— Мы умираем? — прошептала Элис.

— Нет, — сказал Нико, не оборачиваясь. Его голос звучал спокойно — почти отрешённо. — Мы торгуемся.

Он шагнул навстречу Отцу Коллиматору. Два свечения — голубое и оранжевое — столкнулись, породив ослепительную вспышку, от которой Арес зажмурился, а Элис вскрикнула.

А потом наступила тишина. И тьма. И холод, пронизывающий до костей.

И голос. Не человеческий. Не машинный. Вообще ни на что не похожий. Он звучал отовсюду и ниоткуда одновременно — как будто сама пустота обрела речь:

— ВЫ ПРИШЛИ РАНЬШЕ СРОКА. ДОЛГ ЕЩЁ НЕ СОЗРЕЛ. НО РАЗ ВЫ ЗДЕСЬ, НАЧНЁМ ПРЕДВАРИТЕЛЬ-

НЫЕ СЛУШАНИЯ.

Тьма расступилась, как занавес в театре конца времён. И Арес с Элис увидели то, что было в центре Сингулярности.

Дверь.

Она не походила ни на одну дверь, которую они когда-либо видели. Не было ни петель, ни ручки, ни замка. Было только сияние — ровное, бесконечное, пульсирующее в ритме, который они уже знали. Одиннадцать минут. Тот самый ритм. Тот самый пульс. И на мгновение Элис показалось, что дверь смотрит на неё. Не как механизм. Не как портал. А как существо. Древнее, терпеливое и очень, очень голодное.

— Добро пожаловать, — тихо сказал Отец Коллиматор.
— В приёмную Творца.

Нико не ответил. Он смотрел на Дверь, и свечение его тела сливалось с её светом — как будто он всегда был её частью. Как будто он ждал этого момента всю жизнь.

Или дольше.

Глава 8. Привал

Тьма отступила не сразу.

Они лежали на холодном полу — то ли бывшей диспетчерской, то ли очередного кармана стабильности, в который их выбросила Сингулярность. Тела болели так, будто по ним прошёлся разряд тока. В ушах ещё стоял тот голос — многогранный, ни на что не похожий, отдающийся в костях, а не в барабанных перепонках.

Арес пришёл в себя первым. Перевернулся на спину, закашлялся. Воздух здесь был спёртым, но хотя бы не радиоактивным. Он приподнялся на локтях, огляделся.

Нико сидел у стены — в той же позе, что и до вспышки: обхватив колени руками. Его свечение почти погасло, только тонкие голубые линии на предплечьях напоминали о том, кто он такой. Глаза были открыты, но смотрели куда-то внутрь себя.

— Нико? — позвал Арес. — Ты в порядке?

— Пока да. Я говорил с ним.

— С кем?

— С тем, что было до света. Оно дало нам время. Немного. Чтобы мы... подготовились.

— К чему?

Нико не ответил. Его взгляд оставался отсутствующим — он всё ещё был там, в золотистой пустоте, где два свечения, голубое и оранжевое, столкнулись и породили диалог, который он никому не мог пересказать. Не потому, что не хотел. А потому, что в человеческом языке не было таких слов.

Арес повернулся к Элис. Она лежала на боку, свернувшись калачиком, и часто дышала. Её терминал, отлетевший в сторону, мерцал аварийным индикатором — перегрузка при вспышке едва не сожгла процессор.

— Элис. Ты как?

— Жива. — Она медленно села, потирая виски. — Что это было? Предварительные слушания? Оно что, суд устроило?

— Похоже на то, — сказал Арес. — Нико говорит, нам дали отсрочку.

— Сколько?

— Не знаю. Он не говорит.

Элис посмотрела на Нико. Тот по-прежнему сидел неподвижно, и только узоры на его коже медленно перестраивались, отражая какие-то внутренние процессы. Она хотела подойти к нему, расспросить, но Арес остановил её, положив руку на плечо.

— Оставь его. Ему нужно время.

— Нам всем нужно время.

— Именно. Поэтому предлагаю устроить нормальный привал. Восемь часов. Полный цикл отдыха. Если Сингулярность дала отсрочку — грех не воспользоваться.

Элис обвела взглядом помещение. Это была даже не диспетчерская — скорее, чей-то бывший кабинет. Письменный стол, опрокинутый стул, шкаф с выбитыми дверцами. На стене — пожелтевший плакат с техникой безопасности: «Проверь коллиматор перед сменой!» И дверь. Закрытая. Ведущая в смежное помещение.

— Там, — сказала она, кивая на дверь. — Проверим.

За дверью оказалось что-то вроде комнаты отдыха для персонала. Узкая койка, заправленная одеялом, которое истлело от времени, но сохранило форму. Раковина с сухим краном. Даже зеркало — мутное, в разводах, но целое.

— Здесь можно переночевать, — сказал Арес. — Лучше, чем на голом полу.

— А Нико?

— Нико не спит. Ты же знаешь.

Она знала. Нико не спал с тех пор, как они вошли в «Зеро». Возможно, не спал уже много лет. Его тело работало по другим законам — тем, что были до света. Ему не нужен был сон. Ему нужен был диалог с тем, что пульсировало в центре Сингулярности. И он продолжал этот диалог прямо сейчас, сидя в темноте за стеной.

Элис зашла в комнату отдыха. Арес — следом. Дверь закрылась сама собой, отсекая внешний мир.

Тишина здесь была другой. Не давящей, как в ядре, а уют-

ной, почти домашней. Дозиметр показывал минимальный фон. Элис сбросила рюкзак, стянула свинцовый жилет — с облегчением, будто сняла с плеч многолетний груз. Арес сделал то же самое.

Она посмотрела на него — впервые за всё время их знакомства по-настоящему. Не как на союзника, не как на физика, не как на проводника по нижним уровням. Как на человека. Высокий, худой, с жилистыми руками и усталым лицом, на котором читалась каждая из одиннадцати лет, проведённых в Инжекторе. Татуировка на предплечье — выцветшая схема реакции Брейта-Уилера. Он поймал её взгляд и отвел глаза — не от смущения, а от привычки быть незаметным.

— Ты когда-нибудь думал, что окажешься здесь? — спросила она.

— В мёртвом секторе? В центре Сингулярности? На суде перед тем, что было до света? — Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Нет. Я думал, что умру в Инжекторе. От облучения. Или от скуки. Что примерно одно и то же.

— А я думала, что умру в лаборатории. Над очередной статьёй, которую никто не прочтёт.

— Почему же ты пошла сюда?

Элис села на край койки. Пружины жалобно скрипнули.

— Из-за дневников, — сказала она. — Когда я прочитала их, я поняла, что вся моя жизнь была... не то чтобы ложью. Но неполнотой. Я изучала Порог как константу. А Уиллер знал, что это не константа. Знал ещё девяносто лет назад. И я подумала: если я не попытаюсь понять, ЧТО это на самом деле, вся моя наука была зря.

— И как, поняла?

— Нет. Запуталась ещё сильнее.

Арес сел рядом с ней. Не слишком близко — на расстоянии ладони. Койка прогнулась под его весом.

— Знаешь, что я понял? — спросил он. — За последние дни. С того самого момента, как на четвёртом контуре завывала сирена.

— Что?

— Что мы всю жизнь имели дело с физикой. А оказалось, что физика — это только фасад. Ширма. А за ней — перего-

воры. Договор. Проценты. Кредитор. Это не наука. Это экономика. Или политика. Или вообще что-то такое, чему нет названия.

— Тебе от этого страшно?

— Мне от этого... — он замялся, подбирая слово, — ...обидно. Я верил в правила. В уравнения. В то, что c_2 — это c_2 , и точка. А теперь выясняется, что c_2 — это курс обмена, и его можно пересмотреть. Как будто всю жизнь играл в шахматы, а тебе говорят: «Вообще-то это покер».

Элис вдруг рассмеялась — тихо, устало, но искренне. Арес удивлённо посмотрел на неё, и через секунду засмеялся тоже. Они сидели на старой койке в заброшенной комнате отдыха мёртвого сектора и смеялись — не потому, что было смешно, а потому, что смех был единственным, что осталось.

Смех перешёл в молчание. Молчание — в близость.

Их руки встретились не случайно — он взял её ладонь, она не отняла. Пальцы переплелись. Кожа к коже. Первый осмысленный контакт за всё время, что они были вместе.

Он посмотрел на неё. Она посмотрела на него. И вопрос, который не нужно было произносить вслух, повис в воздухе.

— Это не потому, что мы можем умереть, — сказал он.
— Я не хочу, чтобы это было из-за страха.

— Тогда почему?

— Потому что ты — единственное, что имеет смысл в этом бардаке.

Он не был красноречив. Он был техником. Он чинил коллиматоры и калибровал детекторы. Он не говорил женщинам красивых слов — не потому, что не умел, а потому, что не видел в этом смысла. Но сейчас его простые слова попали точно в цель.

Элис подалась вперёд. Их лица оказались близко — она видела морщинки в уголках его глаз, щетину на подбородке, выцветшую татуировку. Он видел её глаза — не холодные, как при первой встрече, а живые, тёплые, испуганные.

Их губы встретились.

В этом поцелуе не было страсти — только осторожность. Они оба слишком давно были одни, чтобы броситься друг на друга очертя голову. Но по мере того, как секунды складывались в минуты, осторожность уступала место чему-то боль-

шему. Чему-то, что копилось с самого первого разговора в тёмном коридоре Инжектора.

Он коснулся её плеча. Она вздрогнула — не от холода, а от неожиданной нежности его прикосновения. Его пальцы, привыкшие к грубому металлу и холодным датчикам, оказались удивительно бережными. Он провёл ладонью по её руке, от плеча до запястья, будто изучал незнакомый прибор — внимательно, уважительно, с интересом.

— Ты так трогаешь коллиматоры, — прошептала она.

— Коллиматоры не жалуются.

— Я тоже.

Одежда падала на пол слоями — сначала свинцовые жилеты, уже снятые раньше, потом комбинезоны, футболки. Процесс был неловким, как всегда бывает в первый раз: он запутался в рукаве, она рассмеялась, помогая ему выпутаться.

А потом они остались друг перед другом — без защитных экранов, без статусов, без ролей. Просто мужчина и женщина в комнате отдыха мёртвого сектора, за много километров от безопасного Кольца, в центре аномалии, которая могла поглотить их в любой момент.

Но в этот конкретный момент ни один из них не думал о Сингулярности.

Он притянул её к себе. Их тела соприкоснулись — горячая кожа к горячей коже. Она почувствовала, как бьётся его сердце — быстрее, чем положено по норме, но ровно, сильно, как гул гамма-лазера. Он почувствовал её дыхание у своей шеи — прерывистое, тёплое, живое.

Они легли на койку. Пружины заскрипели, протестуя против двойной нагрузки, но выдержали. Он навис над ней, опираясь на локти, и на секунду замер, глядя в её лицо.

— Ты уверена?

— Спроси ещё раз — и я включу режим лектора. Буду рассказывать тебе про квантовую сцепленность.

— Звучит эротично.

— Заткнись и поцелуй меня.

Он подчинился.

Дальше не было слов. Были прикосновения — сначала

робкие, потом смелее. Были вздохи и тихие стоны, которые гасли в подушке, пропитанной пылью семилетней давности. Были мгновения неловкости — острые локти, неудобные позы, узкая койка, — но они только добавляли происходящему подлинности. Это была не голливудская сцена с идеальным светом и музыкой. Это были два уставших, перепуганных, живых человека, которые нашли утешение друг в друге.

Он двигался медленно, давая ей время привыкнуть. Она отвечала — сначала сдержанно, потом всё более открыто, пока ритм не нашёл их сам. И когда он нашёл, остальное исчезло. Не было ни Кольца, ни Сингулярности, ни Отца Коллиматора, ни долга, который требовала Вселенная. Были только двое, слившиеся в одно целое.

Это не было похоже на реакцию Брейта-Уилера. Скорее — на аннигиляцию. Две частицы, столкнувшись, на мгновение превратились в чистую энергию. Свет. Тепло. Жизнь.

Потом они лежали рядом, глядя в потолок. Одеяло, пахнущее пылью, укрывало их до пояса. Дыхание выравнивалось. Сердца замедлялись.

— Знаешь, — сказала Элис, глядя в потолок, — я

двадцать лет изучала процесс Брейта-Уилера. Два фотона, столкновение, рождение пары. Но я никогда не думала о нём как о... метафоре.

— О чём?

— О нас.

— Два фотона? — он усмехнулся. — Мы вроде не свет.

— Мы — энергия. Каждый — сам по себе. А когда столкнулись...

— ...родилось что-то новое, — закончил он. — Не электрон и не позитрон. Что-то третье.

— Что?

Арес повернул голову к ней. В полутьме её лицо казалось моложе — или, может быть, дело было не в темноте, а в том, что она впервые за долгое время расслабилась.

— Надежда, — сказал он. — Глупо звучит, да?

— Нет, — она улыбнулась, и её улыбка была ответом, которого он не ждал, но в котором нуждался. — Не глупо.

Она положила голову ему на плечо. Он обнял её — нежно, бережно, будто боялся сломать. Они лежали так долго, слушая, как за стеной мерцает Нико, как гудит где-то в глубине сектора Сингулярность, как старые стены поскрипывают, остывая после дневного тепла (был ли здесь день? никто не знал).

— Что будет завтра? — спросила она.

— Завтра мы пойдём дальше. К центру. К обратному конвертеру. И попробуем закрыть дверь.

— А если не получится?

— Тогда попробуем открыть. По-своему.

— А если и это не получится?

Он помолчал.

— Тогда я рад, что мы сделали это сегодня.

На глаза Элис навернулись слёзы — не от грусти, а от какой-то щемящей, почти невыносимой нежности. Она прижалась к нему крепче, чувствуя, как его рука гладит её по спине

— успокаивающе, бережно, будто она была самым хрупким и дорогим прибором в его жизни.

— Арес... — прошептала она.

— М?

— Спасибо, что ты есть.

Он не ответил. Но его рука на мгновение сжалась сильнее, и этого было достаточно.

Через несколько минут она уснула — впервые за трое суток по-настоящему, глубоко, без сновидений. Арес ещё долго лежал без сна, глядя в потолок и слушая её дыхание. Он думал о том, что завтра они могут умереть. О том, что сегодня они жили. И о том, что одно стоит другого.

За стеной Нико продолжал свой беззвучный диалог с тем, что было до света. Его свечение мерцало, отражаясь от стен — голубые волны, похожие на северное сияние.

Он знал о том, что произошло в комнате отдыха. Знал — и не вмешивался. Потому что понимал: этим двоим нужно было стать ближе. Не для него. Для себя.

До центра оставалось два перехода.

Глава 9. Протоматерия

Отец Коллиматор стоял на коленях в темноте и молился.

Он не верил в Бога — по крайней мере, в того Бога, о котором говорили старые религии Земли. Его вера была иной. Он верил в уравнение. В то, что c^2 — это не константа, а воля, которую можно склонить на свою сторону правильными словами, правильными действиями, правильной жертвой.

— Ты обещало мне, — шептал он, глядя в золотистую пустоту перед собой. — Семь лет назад. Когда я умирал под обломками. Ты сказала: «Я дам тебе жизнь, а ты приведёшь ко мне ключ». Я привёл его. Он здесь. Почему слушания не завершены?

Пустота молчала. Но Отец Коллиматор знал, что его слышат. Знал по тому, как дрожал воздух, как вибрировали шрамы на лице, как старые ожоги начинали зудеть в присутствии того, что было до света.

— Ты дало мне двенадцать апостолов, — продолжал он.

— Они ждут. Они готовы. Но мне нужно больше. Мне нужна уверенность, что дверь откроется.

И тогда пустота ответила. Не словами — образами. Перед внутренним взором Отца Коллиматора развернулась картина: он стоит перед дверью, и дверь открывается, и оттуда льётся свет — но не золотистый, не гамма-излучение, а белый, холодный, очищающий. И в этом свете сгорает Кольцо. Ярус за ярусом. Конвертер за конвертером. Биржевые табло плавятся и испаряются. Трейдеры, директора, служба безопасности — все исчезают в белой вспышке. А потом наступает тишина. И в этой тишине — он, Отец Коллиматор, стоит на пепелище, и мир вокруг него чист, как в первый день творения.

— Да, — прошептал он. — Да. Именно это. То, что ты обещало.

Но образ не исчезал. Он продолжал разворачиваться: пепелище зарастало новой материей, не заимствованной у вакуума, а созданной по-настоящему. Возникали новые формы — не здания, не машины, не люди. Что-то другое. То, чему ещё не придумали названия. И среди этих форм не было места человеку.

Отец Коллиматор заколебался. Что-то в этом образе было

неправильным. Что-то, чего он не хотел видеть. Но он подавил сомнение.

— Мне нужен знак, — сказал он. — Что я на верном пути. Что ты не обманешь меня.

Пустота ответила.

Перед ним, прямо из воздуха, материализовался предмет. Небольшой — размером с ладонь. Сфера, переливающаяся всеми цветами спектра, от инфракрасного до гамма. Внутри сферы пульсировала крошечная искра — точка, в которой сходились два луча.

— Что это?

Он взял сферу в руки. Она была тёплой и вибрировала в такт одиннадцатиминутному ритму Сингулярности. И Отец Коллиматор понял: это оружие. Или инструмент. То, что поможет ему открыть дверь — даже если Нико откажется.

— Благодарю, — прошептал он, чувствуя, как по спине бежит холодок. — Я не подведу.

За его спиной, в темноте, двенадцать апостолов ждали своего часа. Каждый из них тоже видел образы, посылаемые

Сингулярностью, — но каждому показывали своё. Трейдер видел, как биржевой курс обнуляется и все долги аннулируются. Инженер видел, как конвертеры останавливаются и перестают калечить таких, как он. Женщина-аурайдер видела своего мужа, сгоревшего в «Зеро» семь лет назад, — он улыбался ей из белого света и звал за собой.

Никто из них не видел полной картины. Никто, кроме Отца Коллиматора.

А он уже научился не смотреть туда, куда не хотел.

В десяти километрах от лагеря сектантов, на другой стороне ядра, Нико вёл группу через последний переход.

Здесь пространство было настолько нестабильным, что даже его свечение не справлялось до конца. Стены тоннеля то появлялись, то исчезали, пол под ногами дрожал, а воздух становился то разреженным до вакуума, то плотным, как вода. Арес и Элис двигались медленно, держась за руки — не только из-за ночи, проведённой вместе, а потому, что в этой реальности человек, оставшийся без контакта с другим, рисковал исчезнуть. Каждый шаг давался с трудом, каждый вздох — как последний.

— Почти пришли, — сказал Нико, останавливаясь у поворота. — За этим проёмом — центр. Я чувствую его. Конвертер. Дверь. Всё вместе.

— Что там? — спросила Элис.

— То же, что и везде. И другое. Не знаю, как объяснить. Вы увидите сами.

Арес сжал её ладонь. Крепко. Как будто от этого зависело, останется ли она здесь, с ним, на этой дрожащей границе реальности.

— Готова?

— Нет. — Она посмотрела на него — устало, но с той ясностью, которая бывает только перед самым важным шагом. — Но идём.

Они шагнули в проём.

И оказались в центре Сингулярности.

Это было огромное помещение — бывший главный зал управления сектором «Зеро», перестроенный Сингулярностью под свои нужды. Стены исчезли, заменённые колышущейся золотой завесой. Потолок терялся в вышине, усеянный звёздами — только это были не настоящие звёзды, а точки, в которых рождались и умирали электрон-позитронные пары.

В центре зала стоял обратный конвертер.

Он был похож на тот, что Арес обслуживал в четвёртом контуре, — и одновременно не похож ни на что, созданное людьми. Два коллиматора, но не из металла, а из чистой протоматерии, застывшей в форме. Вакуумная камера, внутри которой пульсировал сгусток золотого света. И дверь.

Да, дверь была здесь же. Она находилась не за конвертером, не под ним — она БЫЛА конвертером. Или конвертер был ею. Или и то, и другое одновременно. Прямоугольный проём, в котором клубилась тьма — не пустота, а отсутствие всего, включая законы физики.

— Мы на месте, — сказал Нико. Голос его звучал устало, но спокойно, с той странной решимостью, которая бывает у людей, уже смирившихся со своей судьбой. — Теперь осталось решить, что делать.

— А что говорит то, что было до света? — спросила Элис.

— Оно ждёт. Оно дало нам время до конца цикла. Одиннадцать минут.

— Одиннадцать минут?! — Арес уставился на него, и внутри у него похолодело. — Ты сказал — несколько дней!

— Тогда было несколько дней. Сейчас — одиннадцать минут. Время здесь течёт нелинейно. Вы же заметили.

Элис открыла терминал. На экране горели данные, переданные Ямамото. Схема обратного конвертера. Принцип запуска. И последняя строка — предупреждение: «Для запуска требуется живой оператор в камере реакции. Доза облучения: 10 000 зивертов. Совместимость: только субъекты с мутацией класса «Сингуляр»».

— Нико... — начала она, и в её голосе прозвучало то, что не услышал бы посторонний — страх. Настоящий, человеческий страх за кого-то другого.

— Я знаю, — ответил он. — Я для этого и создан.

— Ты не создан. Ты — человек.

— Уже нет.

Он подошёл к конвертеру. Положил ладонь на коллиматор из протоматерии. Тот завибрировал, отзываясь на прикосновение, — медленно, почти нежно, как живое существо, узнающее своего хозяина.

— Когда я войду в камеру и запущу реакцию, дверь закроется. Или откроется

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.